

Московский государственный университет им. М.В.
Ломоносова
Филологический факультет
Кафедра русского языка

**Семантика и текстовые функции деепричастий в
текстах второй половины XVIII – XIX веков.
(к проблеме формирования современной нормы)**

Дипломная работа
студентки 5 курса
отделения русского языка и литературы
Биккуловой Ольги Сергеевны

Научный руководитель:
д.ф.н. **Кукушкина О.В.**

Москва

2010 г.

Содержание

Введение.....	4
Глава 1. Проблема деепричастной нормы в русской синтаксической Науке.....	7
§ 1. Норма и круг понятий, связанных с ней.....	7
§ 2. Типология аномалий и проблема ошибки.....	10
§ 3. Понятие синтаксической нормы.....	12
§ 4. История изучения деепричастной нормы.....	13
§ 5. Деепричастие и таксис.....	25
Выводы к главе.....	28
Глава 2. Категория времени и норма употребления деепричастия.....	30
§ 1. Целостность временного периода и употребление деепричастий.....	32
§ 2. Соотношение причастий и деепричастий.....	37
Выводы к главе.....	46
Глава 3. Категория субъекта и проблема употребления деепричастия.....	48
§ 1. Возможность/невозможность подлежащего в деепричастном обороте.....	50
§ 2. Возможность отнесения деепричастия к подлежащему в страдательной конструкции.....	54
§ 3. Одушевленность/неодушевленность субъекта и возможность употребления деепричастия.....	62
§ 4. Деепричастие и субъект модуса.....	70
Выводы к главе.....	88

Глава 4. Текстовые особенности деепричастий.....	91
§1. Деепричастие в историческом дискурсе.....	92
§ 2. Деепричастия в художественном тексте.....	96
§ 3. Деепричастия в поэтических текстах (на материале «Евгения Онегина»).....	101
§ 4. Деепричастия в объявлениях.....	107
§ 5. Деепричастия в путевых записках.....	110
Выводы к главе.....	113
Заключение.....	116
Библиография.....	120

Введение.

Настоящее исследование посвящено традиционно **актуальной** проблеме деепричастной нормы, т.е. причинам появления аномальных (ошибочных) предложений с деепричастиями, тем языковым механизмам, действие которых приводит к нарушению деепричастной нормы. Работа соединяет синхронный и диахронный аспекты.

Объектом исследования являются предложения с деепричастиями в текстах второй половины XVIII-XIX веков на фоне аномальных примеров XX-XXI веков.

Предпринятое исследование не является решением проблем истории русского литературного языка, это проекция синхронного синтаксиса деепричастия с его проблемой нарушений деепричастной нормы на диахронию, поиск подобных аномалий в предшествующих этапах развития языка с **целью** выявления системных и текстовых факторов, определяющих условия функционирования русского деепричастия.

Деепричастие – форма, которая интересует и морфологию, и синтаксис; эта форма находится на пересечении нескольких лингвистических проблем, является сферой взаимодействия нескольких грамматических категорий.

Многие исследователи отмечали неоднородность семантики деепричастия. Так, А.М. Пешковский относил эту форму, наряду с причастием, к «смешанным частям речи» [Пешковский 2001: с.104]. «Гибридность» глагольной формы зафиксирована и в академических грамматиках. В АГ-80 деепричастие определяется как атрибутивная форма глагола, в которой совмещаются значения двух частей речи: глагола и наречия, т.е. значения действия и обстоятельственно-определяющее. Функциональная и категориальная сущность деепричастия обсуждается в рамках категории таксиса (Р.Якобсон, А.В.Бондарко). Еще одним аспектом

изучения деепричастий является их функционирование в разговорной речи. Деепричастие – форма преимущественно книжная, но она встречается и в устной речи. Однако это ее употребление отличается от книжного: иногда деепричастие перестает быть деепричастием, т.е. теряет свою функцию «второстепенного сказуемого» и начинает употребляться как производный предлог, без связи с другим глагольным сказуемым: *Дойдя до следующего перекрестка, будет вывеска*. В диалектах деепричастие, наоборот, выступает в функции самостоятельного сказуемого (формы нового перфекта: *поемши, поспамши/поспавши*).

Новизна работы состоит в том, что аномальные с точки зрения современной нормы примеры рассматриваются в связи с семантикой двух грамматических категорий – времени и субъекта.

Цель - увидеть связь деепричастия как особой нефинитной формы глагола с категориями времени и субъекта и установить те внутрисинтаксические и внешнесинтаксические условия, которые определяют выбор деепричастия в той или иной синтаксической конструкции.

Сформулированная таким образом цель предполагает решение следующих **задач**:

1. Установить границы кодифицированной нормы употребления деепричастия и ее вариативность в разных грамматиках русского языка.
2. Соединить проблему деепричастной нормы с теорией таксиса.
3. Рассмотреть функционирование деепричастий в текстах второй половины XVIII-XIX веков в связи с семантикой категории времени.
4. Выявить особенности функционирования деепричастий в текстах второй половины XVIII-XIX веков в связи с категорией субъекта.
5. Исследовать употребление деепричастий в реальных текстовых условиях.

Перечисленные задачи определили **структуру** работы: работа состоит из введения, первой (теоретической) главы, трех исследовательских глав, заключения и библиографии. В теоретической главе обсуждаются проблемы нормы и кодификации, синтаксической нормы в связи с правилом употребления деепричастия, а также категория таксиса. Во второй и третьей главе дается системно-синтаксическое описание примеров с деепричастием, основное внимание уделяется аномальным примерам, то есть не соответствующим современной норме. В четвертой предлагается анализ конкретных текстов, содержащих предложения с деепричастием. Каждая глава завершается краткими выводами. В заключении подводятся итоги исследования.

Глава 1.

Проблема деепричастной нормы в русской синтаксической науке.

§1. Норма и круг понятий, связанных с ней.

Сущность понятия **нормы** заключается в том, что носитель языка из нескольких доступных вариантов языкового выражения использует один (или несколько), который в данный момент в данном обществе признается *литературно-языковым идеалом* (термин А.М. Пешковского [Пешковский 1959: 54]). Этот идеал, по мысли А.М. Пешковского, всегда консервативен, он связан с прошлым или настоящим, но никак не с будущим. **Консерватизм** нормы – ее неотъемлемое свойство, он сохраняет преемственность текстов, написанных на одном языке, их понятность для следующих поколений. Тексты А.С. Пушкина понятны сегодня, потому что нам понятна языковая норма того времени, она близка нашей, т.к. была более или менее устойчивой эти 200 лет.

Однако наряду с консервативностью норма обладает совершенно противоположным свойством – так же, как и языковая система в целом, она **неустойчива**. То, что было еще недавно языковой нормой, может стать в течение жизни одного-двух поколений «антинормой». Сосуществование устойчивого и неустойчивого (стабильного и подвижного, вариантного) в норме приводит ее в движение. При эволюции нормы возникают случаи, когда нормативными считаются не одна, а несколько форм выражения одной языковой единицы. **Вариативность** является объективным условием языкового развития: «Избыточность формы представляет собой... необходимый этап перестройки элементов языковой системы, который поддерживает преемственность речевых навыков и обеспечит в будущем более рациональный способ выражения» [Горбачевич 2009: 9].

Другие признаки нормы – ее **общеупотребительность** и **общеобязательность**. Изначально возникая из диалекта, обслуживающего одну территорию, норма разрастается и становится обязательной для всех. Необходимость нормы и ее распространение объясняется ее универсальным характером – норма позволяет общаться людям, принадлежащим к разным слоям общества, имеющим разные диалекты и идиолекты. По словам А.М. Пешковского, «чем литературнее речь, тем меньшую роль играет в ней общая обстановка и общий опыт говорящих» [Пешковский 1959: 58].

Как было сказано, норма есть ограничение и выбор одного из нескольких вариантов, в этом случае норма противопоставлена **системе**. Система представляет собой многообразие возможностей, из которых норма выбирает одну или несколько. Э. Косериу пишет: «Система есть система возможностей, координат, которые указывают открытые и закрытые пути речи, понятной данному коллективу... Система охватывает идеальные формы реализации определенного языка, то есть технику и эталоны для соответствующей языковой деятельности» [Косериу 1963: 174-175]. Реализацию путей, не выбранных нормой, можно найти в диалектах, просторечии, в речи отдельных авторов или в детской речи.

Норма языка – неоднородное явление. Многие исследователи различают понятие нормы в широком и в узком смыслах, в этом же значении противопоставляются пары *норма* и *узус* (Л.П. Крысин), *кодифицированная норма* и *узусальная норма* (О.Б. Сиротинина), *нормативность* и *норма* (С.К. Пожарицкая), *нормализация* и *норма* (В.А. Ицкович) или *нормы литературного языка* и *языковые нормы* (Н.Н. Семенюк, К.С. Горбачевич). Норма литературного языка (нормативность) должна быть **кодифицированной**, это написанное правило, предписание, указание к употреблению; она представляет собой проявление языковой политики. Это отражено в слове *нормативность* и прилагательном, которое от него образуется, - *нормативный*. Узус (узусальная норма) – это неписанный закон, общепринятое употребление, регулярно повторяющееся в речи говорящих -

нечто, присущее языку внутренне, ощущаемое носителями языка, и не всегда кодифицированное. Именно такое разделение внутри нормы позволяет говорить о своих нормах в диалектах, т.к. «диалектная речь – это не продукт произвола, а носители диалекта вовсе не безразличны к способу языкового выражения» [Горбачевич 2009: 37]. Поэтому о понятии нормы можно говорить даже тогда, когда в языке нет письменности и кодификации.

Кодифицированная норма является примером того, как ограниченная группа людей все-таки может повлиять на развитие языка. Кодификатор, стараясь объективно описывать срез языка, может допускать субъективное восприятие того или иного употребления, именно поэтому современные нормативные словари дают такое разнообразие вариантов и иногда противоречат друг другу.

В отличие от кодифицированной, узуальная норма связана с понятием **функции**. Отношения понятий нормы и функции рассмотрел в начале XX в. представитель Женевской лингвистической школы Анри Фрей [Фрей 2007]. А. Фрей считал основанием существования языка целесообразность всех языковых средств. Каждое из них осуществляет заданную функцию. Функция, в понимании Анри Фрея, - это неизменная потребность языка, которая управляет его развитием. А. Фрей выделяет такие «функции языка», как потребность в ассимиляции (аналогии), в дифференциации (ясности), в краткости, в неизменяемости и в экспрессивности. По этим естественным законам развивается узуальная норма, т.к. такая, которая не испытывает на себе искусственного влияния нормализации.

В связи с этим возможно разграничение нормативной и функциональной грамматик, которое стало проводиться в XX веке. В нормативной грамматике описывается кодифицированная норма, а в функциональной – законы функционирования языковой системы в целом. Именно поэтому вторая рассматривает не только нормативные, но и

аномальные¹ с точки зрения нормы примеры. Анри Фрей в своей книге «Грамматика ошибок» утверждает, что аномальный пример гораздо более показателен, чем большое количество нормативных. Научная ценность аномалий высока, т.к. «ошибки делаются не ради удовольствия. Их появление определено, более или менее бессознательно, теми функциями, которые они должны выполнять (большая выразительность, большая ясность, большая экономия и пр.)» [Фрей (1929) 2007: 17]

§2. Типология аномалий и проблема ошибки.

Интерес к языковым аномалиям зародился тогда, когда зародилась сама лингвистика. Внимание к ним проявляли еще античные риторика, рассматривавшие выразительные средства языка.

В самом общем смысле аномалию можно определить как нарушение нормы, правил употребления языковой единицы. Однако нарушения могут быть разными и поэтому поле аномальных примеров неоднородно. Классификацию аномалий предложил в своей статье Ю.Д. Апресян [RES PHILOLOGIA 1990: 50-71]. Основным для классификации аномалий он считает разделение их на намеренные и ненамеренные. Намеренные аномалии «выполняют какие-то полезные функции в соответствии с замыслом их автора» [RES PHILOLOGIA 1990: 51], ненамеренные являются просто ошибкой говорящего. В разряд намеренных попадают авторские и экспериментальные аномалии. Первые несут выразительную функцию (поэзия Хлебникова), а последние представляют собой эксперимент над языком и являются уже не просто объектом, а инструментом исследования. Лингвист конструирует аномалию для того, чтобы получить новые сведения о языке. Именно такую функцию выполняет «глокая куздра» Л.В. Щербы.

¹ Понятие аномалии понадобилось лингвистике тогда, когда ошибки оказались предметом исследования так же, как индивидуально-художественные употребления. Соединение этих объектов (норма, ошибка и художественная «вольность») в одном исследовании понадобилось лингвистам для построения объяснительных теорий: объяснительная теория должна ответить на вопрос «почему» и доказательство «от противного» является одним из путей к ответу на этот вопрос.

Ненамеренные, или естественные, аномалии Ю.Д. Апресян делит на деструктивные и конструктивные. Первые – «это невольные или нерегулярные языковые ошибки, сделанные то ли по недостаточному знанию языка, то ли под наплывом эмоций, то ли подсознательно, то ли случайно» [там же: 63], такие ошибки мало интересны исследователю языка. Второй же тип аномалий называется конструктивным, это регулярные ошибки, которые сами становятся правилом: «Они могут выступать как точки роста новых явлений, как источник обновления и развития языка» [там же: 64]. Такие аномалии ценны для лингвиста.

Е.В. Кукушкина в своей монографии 1998 г. [Кукушкина 1998] использует термин «речевая неудача» и соединяет лингвистический анализ нарушений нормы с деятельностью субъекта речи. Е.В. Кукушкина пишет: «Нас интересует прежде всего деятельность говорящего и те сбои, которые возникают именно по его вине. В этом плане объект нашего исследования не все коммуникативные неудачи, а лишь те, которые связаны с деятельностью **субъекта речи**. <...> Текст – это продукт единого процесса речемыслительной деятельности. Это результат порождения мысли (осмысления) и уточнения и опосредования этой мысли путем подбора пригодных для ее передачи языковых средств. Осмысление также имеет свои нормы. Эти нормы задают типовые способы смыслового представления того или иного объекта действительности, и они не могут не отражаться в языковом употреблении» [Кукушкина 1998: 4]. О.В. Кукушкина различает «нормы осмысления» и «языковые нормы», понимая первые как «типичные способы осмысления», а вторые как «типичные способы описания» [там же: 5]

и предлагает рассматривать речевые неудачи как лингвистический объект, который позволяет «судить не только о нормах кодирования порожденного смысла, но и о некоторых правилах самого процесса синтеза смысла» [там же: 5]. Такой лингвистический подход представляется наиболее перспективным, поскольку он обращает внимание лингвиста на когнитивные и текстовые причины появления нестандартных высказываний

и позволяет соединить системно-грамматические и текстовые явления, синхронию и диахронию. Поэтому он и принимается как методологическая основа настоящего исследования.

§3. Понятие синтаксической нормы.

Одной из сфер порождения «ненамеренных конструктивных аномалий» является синтаксис деепричастий. Известно, что при наличии сформулированного правила, говорящие продолжают порождать высказывания, не соответствующие этому правилу. Именно этим данная сфера интересна для лингвиста.

Прежде чем обсуждать правило употребления деепричастия, остановимся подробнее на понятии синтаксической нормы.

Принято выделять несколько типов норм, общих для устной и письменной речи:

- Лексические нормы
- Морфологические нормы
- Синтаксические нормы
- Стилистические нормы

Отдельно для письменной речи выделяются нормы орфографии и пунктуации, а для устной – орфоэпические нормы.

Нас в данном исследовании будет интересовать синтаксическая норма. Синтаксические нормы предписывают правильное построение синтаксических конструкций уровня словосочетания и предложения. Эти нормы включают правила согласования слов и синтаксического управления, соотнесения частей предложения друг с другом при помощи грамматических форм слов так, чтобы предложение было осмысленным высказыванием.

В поле зрения исследователей синтаксических норм оказывается ситуация выбора, т.е. такая речевая ситуация, когда говорящий должен выбрать ту или иную форму (ошибка в таком случае порождается не только

неправильным выбором, но и незнанием второго варианта, т.е. понятие выбора оказывается релевантным не для наивного носителя языка, а для лингвиста – исследователя синтаксической нормы). В связи с синтаксической нормой рассматриваются следующие ситуации выбора:

- Выбор именительного – винительного – родительного падежа существительного при отрицании.
- Выбор винительного – родительного партитивного при переходных глаголах
- Выбор формы винительного падежа для одушевленных и неодушевленных существительных
- Выбор формы родительного множественного, возможность/невозможность количественной формы
- Употребление собирательных числительных
- Конкуренция предложно-падежных форм (о + предложный/по + дательный; дательный беспредложный/для + родительный/ у + родительный)
- Выбор согласованной формы - творительного предикативного в составном сказуемом (существительного и прилагательного)
- Употребление конструкций с деепричастным оборотом.

В связи с каждой из перечисленных трудностей формулируются правило или рекомендации, причем самую долгую историю имеют первое и последние. Они описаны еще в грамматиках М.В. Ломоносова и А.А. Барсова.

§ 4. История изучения деепричастной нормы

Одно из первых обращений к описанию деепричастия можно найти в XVIII веке в «Российской грамматике» М.В. Ломоносова. Ломоносов сформулировал правило употребления деепричастий: «Весьма погрешают те, которые по свойству чужих языков деепричастия от глаголов личных лицами

разделяют, ибо деепричастие должно в лице согласовываться с главным глаголом личным, на котором всей речи состоит сила: *иду́чи в школу, встретился я с приятелем; написав я грамотку, посылаю за море*. Но многие в противность сему пишут: *иду́чи я в школу, встретился со мною приятель; написав я грамотку, он приехал с моря; будучи я удостоверен о вашем к себе дружестве, вы можете уповать на мое к вам усердие*, что весьма неправильно и досадно слуху, чувствуящему правое российское сочинение» [Ломоносов 1952: с. 566]. Грамматика М.В. Ломоносова носит нормативный характер. На примере деепричастия видно, что автор не описывает функционирование деепричастий, но вводит правило их единообразного употребления. М.В. Ломоносов охватил только тот круг употреблений, который ему казался правильным. Тем самым он создал поле для дальнейших споров о деепричастной норме.

Трудно сказать, были ли источники, на которые опирался М.В. Ломоносов при формулировке правила или он основывался только на своем языковом чутье, но именно сформулированное им правило положило начало проблеме деепричастной синтаксической нормы.

Следующим грамматистом, описавшим употребление деепричастия, был А.А. Барсов. В правиле, изложенном в его «Обстоятельной российской грамматике» он во многом повторяет М.В. Ломоносова и даже вводит цитату из «Российской грамматики».

Однако А.А. Барсов расширяет поле нормативных конструкций с деепричастием. Нормативными он считает не только конструкции с именительным падежом субъекта, но и с косвенным падежом субъекта: «Согласие деепричастия состоит в том, что оно к тому же лицу относится, к которому глагол с ним соединяемый принадлежит, или к той же самой вещи, на пр. *любя тебя я сделать сие не отрекусь*; или *любя тебя мне это сделать можно*. где с одной стороны глаголы не *отрекусь* и *можно*, а с другой стороны деепричастие *любя* принадлежат к одному// лицу *я* и *мне*. Так и в следующей речи: *Уныние разслабляя дух, приводит и разум в расстройку*,

деепричастие *разслабляя* и глагол *приводит* зависят вместе от одной вещи *уныние*, то ж **идучи** я в школу, встретился с приятелем; **написав** ты грамотку посылаешь за море.» [Барсов 1981: 223].

Можно с уверенностью утверждать, что грамматическое описание А.А. Барсова не имело такого влияния, как грамматика М.В. Ломоносова, т.к. при жизни А.А. Барсова труд остался неизданным, поэтому каноническое правило осталось неизменным.

О деепричастном правиле упоминается и в грамматике 1827 года Н.И. Греча. Он берет за основу правило, предложенное М.В. Ломоносовым, однако говорит не о согласовании деепричастия с глаголом личным по лицу, а о совпадении подлежащих в обеих частях конструкции – с деепричастием и с личным глаголом. Этот подход происходит из его идеи о том, что предложение с деепричастным и причастным оборотом – это результат слияния главного и придаточного предложения: «...подлежащее деепричастия (в придаточном предложении) и глагола (в главном) должно непременно быть одно и то же; например: *Петр Великий, желая просветить своих подданных, сам занялся науками. Солнце, освещая землю, плодотворит ее.* Здесь деепричастие *желая*, и глагол *занялся* имеют одно подлежащее: *Петр*; *освещая* и *плодотворит*, также одно: *солнце*. Но следующие предложения: *Иван, выехав вчера из города, его задержали на первой станции; лошадь, бросившись в сторону, собака ее укусила; стоя на сем холме, глаза мои наслаждаются прекрасною картиною*, неправильны: в первом: деепричастие *выехав*, имеет подлежащим имя существительное *Иван*, а подлежащее глагола *задержали*, есть подразумеваемое третье лице множественного числа; во втором: подлежащее деепричастия *бросившись*, есть имя *лошадь*, а подлежащее глагола *укусила*, имя *собака*; в третьем: подлежащее деепричастия *стоя*, есть подразумеваемое местоимение *я*, а подлежащее глагола *наслаждаются*, имя *глаза*.» [Греч 1827: 379]. Стоит обратить внимание на контрпримеры, которые приводит Н.И. Греч, первые два явно противоречат узусу даже XIX века. Видимо, найти абсолютно

неправильный пример из живой речи было достаточно трудно, поэтому Н.И. Греч сконструировал их путем сворачивания придаточного предложения в деепричастный оборот.

Н.И.Греч не считает нормативными предложения с дательным субъекта, приемлемые для А.А. Барсова: «...не могут быть превращены в деепричастия глаголы тех придаточных предложений, кои присовокуплены к главным, имеющим при подлежащем глаголы и наречия, требующие дательного падежа, как-то: *кажется, хочется, должно* и проч.; например: *смотря на эту картину, мне кажется, что она дышит; играя в карты можно потерять здоровье; занимаясь науками, должно убежать рассеяния; мне жаль, видя как вы страждете*. В сем случае надлежит превращать дательные падежи в именительные; например: *мы можем; мы должны; я жалею*, и пр.» [с. 380]. Можно сделать вывод, что автор грамматики предлагает подстраивать подлежащее под деепричастие, что противоречит внутренней иерархии связей в предложении. Н.И. Греч, видимо, дает совет говорящему, что делать, если уж начал предложение с неподходящего деепричастия.

А.Х. Востоков в своей полной грамматике («Русская грамматика Александра Востокова, по начертанию его же сокращенной грамматики полнее изложенная»), как и Н.И.Греч, считает зависимый деепричастный оборот свернутым придаточным и говорит, что «деепричастие придаточного предложения и глагол предложения главного должны выражать действия одного и того же лица: *Он, пришед туда, увидел. Вы, гуляя, устали...*»[Востоков 1874: 128] Здесь он в целом говорит о сочетании по субъекту, а не по лицу глагола. Однако дальше А.Х. Востоков расширяет и уточняет область действия правила: «Когда деепричастие относится к глаголу личному..., тогда сочиняется с именительным падежем, но когда, в виде наречия, употреблено при неопределенном наклонении, дополнительном к безличному глаголу, тогда сочиняется и с падежем

дательным; напр. *Им удобнее работать, **сидя**. Тебе можно устать, **ходивши**. Больному велено прохаживаться, потеплее **одевшись**.*»

Несмотря на все предписания грамматик, в письменных текстах XIX века продолжают встречаться ненормативные написания деепричастного оборота. Можно предположить, что так влиял на русский язык французский, в котором нет строгой зависимости субъекта действия, обозначенного деепричастием, от субъекта действия в основной части. Однако французский исследователь М. Ферран утверждает, что нарушения связаны не с влиянием французского языка, а с использованием грамматического потенциала деепричастной формы: правило употребления русского деепричастия намеренно сужает этот потенциал.

Косвенным подтверждением этого мнения является более раннее исследование Герты Хютль-Фолтер, посвященное переводам А.Кантемира и В.К.Третьяковского с французского на русский. Исследовательница обнаруживает те синтаксические конструкции, которые соответствуют французскому источнику и те, которые являются результатом творчества переводчиков. Хютль-Фолтер пишет: «В «Разговорах» выступают и архаические ДК с собственными подлежащими; это не вызвано оригиналом. Такие конструкции отсутствуют в «Военном состоянии». С другой стороны, ДК в этом тексте употребляются свободно, без отношения к подлежащему главного предложения, что вызвано оригиналом: *sans compter* — не считая. За самостоятельность ДК говорит и то, что вторая часть координированных главных предложений часто заменяется ДК». [G. Hüttl-Folter 1996: 13-14]

Автор раздела о деепричастии в коллективной монографии «Очерки исторической грамматики» говорит, что после 40-х гг (после пушкинской эпохи) ненормативное употребление уходит из литературы, однако можно предположить обратное: значительное количество «запретных» употреблений деепричастного оборота появляется в творчестве Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского:

*В алее, и уже **подъезжая** к отелю, у ней начали вырываться восклицания... (Ф.М. Достоевский «Игрок»)*

***Поселившись** теперь в деревне, его мечта и идеал были в том, чтобы воскресить ту форму жизни, которая была не при отце..., но при деде. (Л.Н. Толстой «Дьявол»)*

Однако обороты, которые являются «яркими» галлицизмами, действительно уходят из языка, русский язык принимает заимствования избирательно. Точные слепки с французской деепричастной конструкции можно встретить, например, в письмах, деловых заметках А.С. Пушкина:

*Занимательность **будучи** первым законом др.<аматического> иск.<усства>, единство действия должно быть соблюдаемо (О трагедии.)*

Такая конструкция не остается в языке, т.к. она трудно осмысливаема и неудобна для адресата.

На примере описанных грамматик XIX века видно, что авторы не приходят к единому мнению. XIX век можно назвать этапом изменения грамматической нормы, т.к. в то время шло становление литературного языка в современном его виде. И уже в XIX веке существуют разногласия в вопросах нормы. Главным вопросом в этот период является приемлемость отношения деепричастия к субъекту в косвенном падеже (конкретно в дательном). Удивительно, что в нормативных грамматиках XX века данная конструкция не рассматривается как нормативная, можно предположить, что в XX веке критерий формального несоответствия был гораздо более важен.

Проблема синтаксической нормы в научной литературе становится особенно актуальной с середины XX века, т.к. в это время увеличивается интерес общества к вопросам культуры речи: «расширяется круг лиц, которые по характеру своей профессиональной деятельности должны составлять тексты, нередко ориентированные на достаточно широкий круг адресатов» [Ицкович 1982: 7]. Поэтому с 40-х гг. XX века в журнале «Русский язык в школе» и позже «Русский язык за рубежом» стали рассматриваться конкретные конструкции, конкретные проблемы, связанные с употреблением

деепричастных оборотов. (Е.Е.Репина, Л.Я.Браве, Г.В.Валимова, Л.А.Дерибас, А.К. Власов). С начала 50-х гг. появляются публикации, посвященные культуре речи и языковой норме (Гвоздев А.Н., Стаховский Н.Н., Розенталь Д.Э., Обнорский С.П., Истрина Е.С. и др.). Появляется периодическое издание «Вопросы культуры речи», в Институте русского языка АН СССР создается отдел культуры речи, возглавляемый С.И.Ожеговым, в рамках которого над проблемами синтаксической нормы работают В.А. Ицкович, Б.С. Шварцкопф, Г.А. Золотова, и позже Е.Н. Ширяев.

Вопрос деепричастной нормы не могли обойти академические грамматики. В грамматике 1954 г есть раздел, написанный Э.И. Коротаевой в сотрудничестве с Н.Н. Прокоповичем, посвященный употреблению деепричастий. Кроме основного правила, в котором деепричастие относится к подлежащему в именительном падеже, допускается употребление конструкций, где деепричастие в зависимой части соотносится с безличными и обобщенно-личными конструкциями в главной. Данное допущение, видимо, связано с тем, что в такой конструкции не возникает формального противоречия между несколькими возможными субъектами на связь с деепричастием, она не допускает неоднозначности прочтения. Стоит отметить примеры, которые рассматриваются в грамматике, если грамматики XIX века приводили искусственные примеры, то она тоже не опирается на живую речь, в грамматике приводятся примеры из художественной литературы XIX века, поэтому исследование несколько ограничено и не улавливает тенденций 40-50 гг.

Следующей академической грамматикой была грамматика 1970 года. В ней небольшой раздел, посвященный деепричастию, был написан Н.Ю.Шведовой. Н.Ю. Шведова обращает внимание на синтаксическую позицию деепричастия – в какие отношения оно может вступать с личным глаголом (сопутствующее, собственно характеризующее, обстоятельство-характеризующее, сравнительное и пр.). И автор статьи не упоминает о

традиционном правиле употреблении деепричастий и отношения деепричастия к подлежащему. Однако, судя по приводимым примерам, Н.Ю. Шведова не считает ненормативными некоторые конструкции, которые традиционно составляют пограничную зону между нормативными и ненормативными:

Отдохнув, можно приняться за дело.²

Как же нам идти, зная, что переправы нет.

Слушая этот рассказ, мне было страшно.

Приводя примеры, Н.Ю. Шведова не ссылается на тексты XIX века или современные источники. Таким образом, иллюстративный материал подбирался на основании языкового чутья автора, а не из реальных текстов, т.е., можно предположить, что он полностью отражает представления авторов грамматики о норме.

Можно утверждать, что до исследований В.А.Ицковича (глава «Осложненные предложения» в «Академической грамматике» -1980 года и «Очерки синтаксической нормы» - 1982 года) все работы о правилах употребления деепричастия либо были неполными и затрагивали некоторые аспекты употребления деепричастных оборотов, либо сводились к описанию отклонений, которые казались вполне приемлемыми для носителя языка, но при этом запрещались правилом. В.А. Ицкович же дал систематическое описание грамматической нормы. А также, используя «отрицательный» материал, он обосновал рассматриваемые многими отклонения и представил все конструкции с деепричастиями как поле с центром (т.е. нормой) и «серой зоной» (т.е. зоной, где норма и ненорма пересекаются). Главным критерием отнесения какого-либо употребления к «серой зоне» является противоречие между семантическим и формально-грамматическим уровнем: например, в

² В безличных конструкциях с инфинитивом существует еще одна проблема – семантические отношения между частями сказуемого и деепричастием. Встает вопрос о сфере действия деепричастия – распространяется ли она как на модальную часть, так и на диктальную или только на диктальную. Этот вопрос в проблематике нормы не обсуждался.

пассивном залоге, когда оборот относится не к субъекту действия, а к объекту, который стоит в Им.п. (*Танк, **получив** большое количество пробоин, был подожжен*).

Классификация случаев употребления деепричастных оборотов в работе В.А. Ицковича построена на формальном основании – к какому члену в главном предложении относится деепричастный оборот. Такая классификация имеет свои преимущества и свои недостатки. К преимуществам можно отнести сравнительно ограниченный список конструкций, т.е. все конструкции можно охватить и описать, картина оказывается исчерпывающе полной. При этом В.А. Ицкович разводит семантически однотипные конструкции:

Увидев четкую армейскую жизнь, у многих ребят изменилось отношение к армии (ТВ, «Вести», 16.04.94, говорит корреспондент)

Увидев четкую армейскую жизнь, многие ребята изменили отношение к армии.

Первая из этих конструкций признается В.А. Ицковичем ненормативной, а вторая – нормативной. Следовательно, в концепции В.А. Ицковича именительный падеж является слишком сильным аргументом в пользу нормативности/ненормативности конструкции.

В целом исследование В.А. Ицковича оказывается даже более «консервативным» по отношению к Грамматике-1960, т.к., по мнению В.А. Ицковича, не противоречат современной литературной норме только деепричастие, связанное с Им.п. субъекта, и деепричастие в обобщенно-личных предложениях. В.А. Ицкович не включает в «норму» деепричастный оборот, связанный с безличным предложением (Грамматика-1960 допускает такую конструкцию), главный аргумент «против»: «Их несоответствие литературной норме определяется тем, что деепричастие соотносится с субъектом действия (хотя и неназванным) в косвенном падеже».

На работах В.А. Ицковича заканчиваются строго нормативные исследования деепричастной нормы, которые предписывают употребление

тех или иных конструкций. Дальнейшие работы исследователей находятся в русле объяснительной, а не нормативной грамматик.

В отличие от В.А. Ицковича, Н.А. Янко-Триницкая рассматривает подобные употребления не в плане нормы, а в связи с их синтаксическим статусом. Она называет употребление деепричастия в двусубъектной конструкции «самостоятельным предикативным функционированием» по аналогии с дательным самостоятельным и считает, что такое употребление деепричастий было возможно в XIX веке. Вот ее примеры: *Вы согласитесь, что **имея** право выбирать оружие, жизнь его была в моих руках, а моя почти безопасна* (А. Пушкин); ***Проезжая** на возвратном пути в первый раз весною знакомую рощу, у меня голова закружилась и забилося сердце от смутного сладкого ожидания* (И. Тургенев); ***Накурившись**, между солдатами завязался разговор* (Л.Толстой). [Янко-Триницкая 1982: 127].

Если субъект действия, состояния стоит в косвенном падеже, то конструкция, по В.А. Ицковичу, ненормативна. Именно против этого выступает О. Йокояма в статье 1983 года «В защиту запретных деепричастий». Она рассматривает конструкцию типа: ***Слушая** его, у меня горели глаза и щеки*. Эта конструкция, по мнению исследовательницы, является универсальной с двух точек зрения: 1. Она наблюдается во многих языках (кроме русского, еще в сербском, хорватском, английском, французском, санскрите, японском, в моравских диалектах); 2. «Несмотря на вековое осуждение их нормативными грамматиками, носители языка – от детей и до мастеров словесного творчества – продолжают порождать их». О. Йокояма для объяснения этого типа конструкций опирается на теорию актуального членения: она показала, что субъект действия, состояния в Им.п. должен стоять в теме и соотносится с деепричастным оборотом, чтобы конструкция была нормативной. В рассматриваемых же конструкциях подлежащее в Им.п. стоит в реме, а субъект стоит в косвенном падеже, но находится в теме. Таким образом, важнее оказывается тематичность

субъекта, нежели его форма. Тематичность субъекта и обуславливает появление таких оборотов [Йокояма 1983: с.128].

Еще один особый тип конструкций, которые оказываются несколько в стороне от деления на норму и ненорму, - это деепричастные обороты с глаголами речи, которые В.А. Ицкович относит к вводным конструкциям и больше их не упоминает. Это такие конструкции, как *говоря словами..., перефразируя эту мысль, собственно (грубо) говоря* и т.п. В 1984 году этими двумя типами деепричастных оборотов заинтересовалась Т.В. Шмелева; в ее статье «Деепричастие на службе модуса» дается более полный список таких конструкций, и из примеров она делает выводы, что деепричастия в данном случае – это эксплицированный речевой компонент, «закрывающий в себе указание на акт говорения и характеристики авторских действий» [Шмелева 1984: с.65]. Существует некоторый кодекс речевого общения: не сообщать неприятного собеседнику, не быть категоричным, соблюдать логику повествования и т.п. И деепричастия выполняют в данном случае модусную функцию – эксплицируют модусный компонент предложения. Таким образом, круг рассматриваемых в норме конструкций сужается.

Последнее масштабное исследование было предпринято в книге «Русский язык конца XX столетия (1985-1995)». В этой работе изучалась грамматическая норма в отрыве от правила, т.е. конкретные употребления, «отрицательный материал». Цель работы была описать ситуацию, подвести итог развитию языка в XX веке. Здесь правило употребления деепричастий было названо непривычным термином *корреферентность* – «правило корреферентности субъекта подлежащего и субъекта синтаксического оборота».

Корреферентность (или корреференция) – термин, который используется в основном для описания семантики местоимений. Корреферентность (от лат. со — приставка совместности и референт) — отношение между именами, имеющими один референт; то есть отношение между компонентами высказывания, которые обозначают один и тот же

объект внеязыковой действительности. Авторы «Русского языка конца XX столетия» применили этот термин к проблеме деепричастия, соотнеся подлежащее и субъект деепричастного оборота с субъектом во внеязыковой действительности (референт).

В работе была предложена классификация случаев ненормативного употребления деепричастий в соответствии с принципом кореферентности. При этом все ненормативные конструкции делились на три неравные группы:

1. обширная группа примеров, где имеет место совпадение субъектов деепричастия и глагола;

Узнав это, у меня буквально ноги подкосились (из разговорной речи, 1991)

2. случаи, когда субъекты частично совпадают, а частично – нет (при метонимическом обозначении субъекта)

Думая об этом, ум за разум заходит (из разговорной речи, 1986)

3. единичные примеры независимых деепричастных оборотов, когда субъект деепричастия и субъект глагола различны.

Будучи уже вполне зрелым человеком, меня выманил Михалков играть Обломова (ТВ, О. Табаков в юбилейной телепередаче «Пять вечеров с Олегом Табаковым»)

И только последняя группа примеров с некорреферентными оборотами «воспринимается как очень грубое отклонение от нормы» [Гловинская 1996: с. 287].

Особым направлением изучения деепричастий являются работы, посвященные формообразованию деепричастия и сосуществованию и выбору форм на –а и на –в/-вши. Речь идет о докторской диссертации Л.Р. Абдулхаковой и статье Е.Р. Добрушиной. Л.Р. Абдулхакова проследила историю сосуществования форм деепричастия от XII до XX в. [Абдулхакова 2007]. В этой работе основное внимание уделяется не семантическим факторам, а формальным – в основном морфонологии. Е.Р. Добрушина провела исследование по материалам Национального корпуса

русского языка и обнаружила, что из русского языка конца XX века уходят деепричастия несовершенного вида на –в/-вши, а деепричастия совершенного вида на –а связаны с особыми условиями: приставка, характер основы, наличие фразеологизмов и др. [Добрушина 2009].

§ 5. Деепричастие и таксис

Кроме нормативного аспекта рассмотрения деепричастие включается в круг проблем, связанных с глагольными категориями. Грамматисты обсуждают связь деепричастия с категориями времени, вида, залога. Наличие категории вида не оспаривает никто, т.к. вид есть уже в глагольной основе. Труднее с категориями времени и залога. Авторы «Русской грамматики» (Прага, 1979 г.) считают, что деепричастия должны быть разделены на деепричастия настоящего и прошедшего времени (на –а/я и на –в/вши). Временные формы деепричастия образуют привативную оппозицию, маркированным членом которой является прошедшее время, выражающее неодновременность, а немаркированным – настоящее, которое чаще выражает одновременность, но может и разновременность [Русская грамматика 1979; I: 209].

То, что в пражской концепции русской грамматики принято называть категорией времени, в теории функциональной грамматики называют термином таксис. В рамках этой концепции деепричастие является прототипической формой зависимого таксиса.

Термин *таксис* был предложен Р.О. Якобсоном в статье «О шифтерах...». Внимание Р.О. Якобсона привлекло явление иконизма, проявляющееся в порядке следования предикатов в однородных сказуемых и конструкциях с деепричастием: расположение предикатов в высказывании отражает временное следование соответствующих действий во внеязыковой действительности. Таксисом он назвал соотношение двух глагольных форм (двух финитных – «независимый таксис»; и одной финитной и одной нефинитной – «зависимый таксис») по времени. Р.О. Якобсон интересовали

временные отношения между рядоположенными глагольными формами. Он понимал, что в силу иконизма знака простая последовательность глагольных форм может обозначать временное следование (*Подошел и взял; Подходит и берет*). Оказывается, что развитие времени можно выразить простым следованием глаголов, а как при движущемся времени речи остановить время событий – видом глагола (*Сидит и пишет; Сидя за столом, пишет*). Так была открыта категория таксиса, категориальное значение которой – одновременность/разновременность.

С этим значением и почти в этом же объеме объектов таксис представлен в концепции А.В. Бондарко в «Теории функционального синтаксиса» (ТФГ). Основной характеристикой функционально-семантического поля (ФСП) таксиса в ТФГ является понятие «целостного (единого) периода времени» [ТФГ 1987: 237]. Два действия не должны быть оторваны друг от друга во времени: «Если нет того целого, в рамках которого могут устанавливаться временные отношения между действиями, то нет и этих отношений, нет таксиса» [ТФГ 1987: 238]. Следующую конструкцию, по мнению исследователей, нельзя отнести к таксису: *Мог ли тогда знать дедушка, что лет тридцать или сорок спустя по этому же пути... пройдет линейка с осетином на козлах, в которой среди прочих экскурсантов... будет ехать и одна из его многочисленных дочерей...* (В. Катаев, цит. по [ТФГ 1987: 238]). Отсутствие таксиса объясняется тем, что в предложении соотнесены два действия, одно из которых относится к плану прошлого, а второе – к плану будущего; в таком предложении не работает категория вида и нет отношений одновременности/разновременности между предикативными единицами, поэтому А.В. Бондарко говорит об отсутствии категории таксиса.

ФСП таксиса в ТФГ квалифицируется как полиядерное (зависимый/независимый таксис): в одном ядре – деепричастие, в другом – однородные сказуемые. К зависимому таксису относятся также действительные причастия, синонимичные деепричастию (*Молодой человек, окончивший школу, может поступить в университет*), и именные группы,

синонимичные деепричастие (*После окончания школы молодой человек может поступить в университет*).

Особенностью теории ТФГ является добавление к собственно временному соотношению двух предикатов семантики обусловленности и характеристики (ср. также взгляды Н.Ю. Шведовой и А.А. Камыниной). Авторы ТФГ заинтересовали добавочные значения, которые могут накладываться на таксис – характеристика, причинная обусловленность, уступительная обусловленность, целевая обусловленность и пр. Этими вопросами сейчас занимается В.С. Храковский ([Храковский 2009]).

Таким образом, на данном этапе развития концепции ТФГ исследователи решают вопрос: 1. Как связаны отношения одновременности/разновременности с разными типами синтаксических отношений (обусловленность, характеристика)? 2. И каковы границы таксиса? – Тогда встает вопрос: а возможна ли такая ситуация, что деепричастная конструкция не попадает в поле таксиса, т.е. отсутствие таксисной связи между деепричастием и личным глаголом? В ТФГ он остается невыясненным.

Другой подход к категории таксиса представлен в концепции «Коммуникативной грамматики русского языка» (Г.А. Золотова, Н.К. Онипенко, М.Ю. Сидорова), в которой таксис понимается как грамматический механизм межпредикативных отношений. Таксис в КГ – это совпадение/несовпадение двух предикативных единиц по каждой из трех предикативных категорий – времени, наклонения, лица. Логика авторов такова: если в личном предикате всегда присутствует категории модальности, времени и лица, значит, работать должны именно три категории. В зависимом таксисе эти три категории носят относительный, а не абсолютный характер: категории деепричастного предиката прочитываются через основной. Разница между категориями состоит в том, что модальность и лицо (субъект) всегда совпадают в двух предикативных единицах, а категория времени выражается видовыми аффиксами. Авторы КГ работают

на синхронном уровне и с нормативными примерами, взятыми в их реальном текстовом употреблении, поэтому исследователи не рассматривают проблему аномалий, но, говоря о синонимических заменах, возможных между причастием и деепричастием, отмечают следующее: деепричастие соотносится с определенно референтным именем, причастия же имеют свободу выбора, поскольку выполняют атрибутивную функцию. В поле зрения авторов аномальные примеры с деепричастием попадают только тогда, когда речь идет о модусе: **Гость, приехав вчера, оказался биологом* – аномальность этого примера интерпретируется в связи с наличием модусного показателя (*оказался*) и несовпадением двух точек зрения.

Таким образом, в работах, посвященных таксису, описывается другой аспект употребления деепричастия, который приближается к проблеме нормы, но не выходит на уровень кодификации.

Выводы к главе

Деепричастие в современной лингвистике имеет несколько аспектов изучения.

Деепричастие входит в круг проблем, связанных с синтаксической нормой. На протяжении всего периода существования деепричастной нормы только основное правило осталось неизменным, все другие возможные конструкции у разных исследователей или попадали, или не попадали в нормативную зону. В XIX веке грамматисты включали в норму деепричастие, относящееся к дательному падежу субъекта. В XX веке данный тип употреблений признается большинством лингвистов ненормативным. Возникает закономерное противоречие в том, что конструкции с безличным предикатом в главной части являются нормативными (в грамматике 1954), а такие же конструкции с эксплицированным субъектом в косвенном падеже – нет: *Прочитав эту книгу, на душе становится грустно* ≠ *Прочитав эту книгу, мне на душе становится грустно*.

Деепричастие является объектом рассмотрения в вопросах морфологической нормы (формообразование, морфонология), т.к. на протяжении формирования литературного языка один и тот же глагол мог иметь несколько вариантов деепричастной формы, которые в разные периоды были более или менее употребительны и имели стилистические или фонетические ограничения. На сегодняшний день вариативность все еще остается, хотя ее границы существенно сузились, например, по сравнению с началом XIX века.

Еще одним важным аспектом изучения деепричастий является деепричастие как ядро зависимого таксиса. Исследователи категории таксиса обращают внимание на другие особенности функционирования деепричастия: т.к. деепричастие – это второстепенное сказуемое, оно имеет связь с основным сказуемым, и эта связь оформлена грамматически.

Таким образом, на сегодняшний день деепричастие оказалось разделенным между разными лингвистическими дисциплинами. Интегральная направленность современной лингвистики требует соединения разных аспектов и обнаружения общего механизма функционирования деепричастия.

Глава 2.

Категория времени и норма употребления деепричастия.

Категория времени в узком смысле (или темпоральности) – это дейктическая категория, которая устанавливает отношение между временем речи и временем действия. Деепричастие в силу своей таксисной (нешифтерной) сущности оказывается за пределами темпорального дейксиса. Но это не означает, что глагольная форма никак не связана с идеей времени. Деепричастие выражает время сопутствующего факта.

И.И. Ковтунова, не используя термина *таксис*, рассматривала изменения в употреблении деепричастий в конце XVIII – начале XIX веков, т.е. в период активного формирования русского литературного языка. По наблюдениям И.И. Ковтуновой, в XVIII – начале XIX веков еще была возможность употреблять деепричастия для обозначения действий, отстоящих во времени от действий, выраженных основным предикатом. Примеры И.И. Ковтуновой:

Таким-то несчастным случаем Евгений лишился своего достойного наставника, учившись у него с немалым четыре года. [А.Е. Измайлов. Евгений]

*И кто же? Искра, Кочубей! Так долго **быв** его друзьями! [А.С. Пушкин, «Полтава»]*

*Так отрок, чар ночных свидетель **быв** случайный, / Про них и днем молчание хранит. [Ф.И. Тютчев. Через ливонские я проезжал поля...]*

*Особенно смешно, как эта бутылка, 20 лет **содержавши** мадеру, была налита пивом и с досады выбросила пробку [Московский вестник, 1828, № 11]*

И.И. Ковтунова говорит, что в первой трети XIX века уходят из языка такие употребления, в которых «деепричастие прошедшего времени несовершенного вида обозначает действие, длившееся в прошлом и не

соприкасающееся с действием, обозначенным личным глаголом» [Очерки 1964: 376]. Однако, не оспаривая того факта, что это особое употребление деепричастия несовершенного вида, можно все-таки усомниться во временном разрыве между двумя предикативными частями. Только в первом примере можно говорить о действиях, не соприкасающихся во времени, но в данном примере деепричастие расположено постпозитивно относительно личного глагола и, возможно, в конструкции начинает действовать механизм присоединения, поэтому части оказываются меньше связанными. А также в первом примере, в отличие от других, не наблюдается явной причинно-следственной связи между двумя частями, это тоже влияет на целостность конструкции. Ср. подобный пример:

(Сидела в келье, услышала шум и «Божественным мановением» перенесена была за стены монастыря, увидела чудо) Видевши все это, инокиня опять очутилась в своей келье, пожила после того два года и ослепленными очами свет увидела. [И.Забелин, История города Москвы, 1905]

В этом примере употребляется деепричастие несовершенного вида прошедшего времени (*видя* – деепричастие настоящего времени), оно обозначает простое предшествование без связи с предшествующим событием, в отличие от деепричастия совершенного. Однако мы знаем предшествующий контекст и легко устанавливаем временную связь событий, проблема возникает с причинно-следственной связью, т.к. то, что инокиня видела чудо, никак не связано с тем, что после этого она очутилась в келье. Именно отсутствие причинно-следственных отношений затрудняет понимание этого примера. Еще один пример:

Напрасно ждав обещанного вспоможения от Глеба, несчастный Владимир умер. [Карамзин, т.3, гл.1]

Без учета контекста можно прочесть это предложение так:

Не дождавшись обещанного вспоможения от Глеба, несчастный Владимир умер.

Т.е. умер от потерянной надежды. Но в реальной ситуации причинно-следственные отношения не предполагаются, т.к. Владимир и так лежал на смертном одре и его смерть не зависела от того, придет или не придет помощь от Глеба.

Собранный материал позволяет говорить о двух типах аномалий, связанных с категорией времени: 1. (в развитие наблюдений И.И. Ковтуновой) использование деепричастий при наличии временного разрыва между двумя действиями; 2. использование деепричастий на месте современных причастий, что, по-видимому, обусловлено наличием у деепричастной формы (рассматриваемого периода) не только относительного времени, но и абсолютного.

§1. Целостность временного периода и употребление деепричастий.

В теоретической главе при обсуждении проблемы деепричастий и таксиса было отмечено, что к таксису относится только такая пара форм, которая соединяется в едином временном периоде. Это значит, что в действительности два действия следуют во времени одно за другим.

Если есть три, следующих друг за другом действия, то они связаны во времени отношениями следования, которые нельзя разорвать. Так из последовательности: *Он встал, подошел к книжному шкафу и взял книгу.* - нельзя убрать средний предикат, сохранив ту же самую денотативную ситуацию: *Он встал и взял из шкафа книгу* - это значит, что человек сидит около шкафа. Та же ситуация в зависимом таксисе: *Встав, взял* — не предполагает, что человек шел до шкафа. Теперь о собственно временных отношениях. Рассмотрим пример:

Возможно, поэтому вечерние туалеты традиционно тёмных тонов. Выбирая платье, не спугните потенциальных кавалеров. [Обрати внимание // «Даша», № 10, 2004]

Данный пример аномален, т.к. деепричастный оборот требует соединения со следующим действием во времени. И требование единого временного периода вступает в противоречие с логикой развития событий: сначала выбирают платье, а значительно позже появляются потенциальные кавалеры и возможность их спугнуть. В примере же прочитывается одновременность двух действий (а точнее, их смежность, рядоположенность во времени), что и порождает ошибку.

В текстах XVIII – XIX веков можно найти примеры, в которых так же, как и здесь, таксисные отношения между предикатами не адекватно отражают реальную последовательность событий. Однако для XVIII-XIX веков можно говорить не об аномальности, а о текстовой обусловленности этих примеров, т.к. сфера их употребления очень ограничена – это историческое повествование. Сюжетное время в исторических нарративах сжимается (время в пути не учитывается), в повествовании отражается только последовательность фактов без учета реального временного расстояния между ними. Рассмотрим примеры из «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина:

*Всеслав, без успеха **осаждав** Псков, неожиданно завоевал Новгород; пленил многих жителей; не пощадил и святыни церкви, **ограбив** Софийскую. [Н. М. Карамзин. История государства Российского: Том 4 (1808-1820)]*

*Бились мужественно, несколько раз, без решительного следствия, и войско царское, **оставив** Брянск, заняло Карачев. [Н. М. Карамзин. История государства Российского: Том 12 (1824-1826)]*

*Димитрий, **оставив** своего чиновника в Новгороде, возвратился в Владимир быть посредником в ссоре князей ростовских. [Н. М. Карамзин. История государства Российского: Том 4 (1808-1820)]*

По согласию с ними Ростислав уехал от Давида Смоленского, с малым числом воинов явился пред стенами Галича. [Н. М. Карамзин. История государства Российского: Том 3]

Подобные примеры встречаются в библейских повествовательных текстах:

***Выйдя** из синагоги, Он вошел в дом Симона... [Евангелие от Луки: синодальный перевод (1816-1862)]*

***И, отправившись** оттуда, пришел в пределы Тирские и Сидонские; и, **войдя** в дом, не хотел, чтобы кто узнал; но не мог утаиться. [Евангелие от Марка: синодальный перевод (1816-1862)]*

Эти и подобные им примеры соединяют пространство и время, два пространственных ориентира, отстоящие в пространстве и соответственно два пространственно ориентированных действия, отстоящие друг от друга во времени. Деепричастие совершенного вида требует непосредственной связи (следования) двух событий во времени («единый временной период»), а реальный факт, обозначенный в тексте деепричастием, может иметь временной отрыв от другого факта в несколько дней и даже недель, т.к. все передвижения героев в историческом тексте связаны с затратой времени на преодоление расстояний между городами, на долгие и упорные сражения. Тем самым полипредикативная конструкция соединяет факты по принципу киномонтажа.

Приведенные примеры типичны для текстов на исторические темы, т.к. историку и не нужно описывать детали каждого перехода князя и его дружины от одного города до другого – это второстепенная информация в повествовании о крупных исторических событиях. Поэтому в таких текстах «единый временной период» становится очень широким и объединяет далеко отстоящие во времени действия.

Однако временной разрыв может и не ощущаться в таких примерах, если в конструкции с деепричастием появляются дополнительные условия, например, будет указано время обоих событий:

*Выехав из Астрахани 10 августа, они прибыли в Москву 26 сентября в 1476 году, **видев** только два города на пути, Рязань и Коломну. [Н. М. Карамзин. История государства Российского: Том 6 (1811-1818)]*

*От Каймонова, **выехав** на рассвете, приехали на Мамырье в 2 часа пополудни, 33 вер. [А. Н. Радищев. [Записки путешествия из Сибири] (1797)]*

*Обедали в Экау и, **выехав** в 6 часов после обеда, приехали в 10 в Бальдоны. [Д. И. Фонвизин. Из журнала путешествия в Ригу, Бальдон и Митаву (1789)]*

При обозначении времени в обеих частях конструкции оба действия закрепляются в определенных точках временной оси и адресат перестает прочитывать их как непосредственно соприкасающиеся во времени. Ср. конструкцию без временных показателей:

*? **Выехав** из Астрахани, они прибыли в Москву....*

В таком предложении сокращается не только время, но и расстояние между городами.

Подобный вариант устранения временного разрыва – указание на время, прошедшее с момента первого действия:

*Написал же император, что Петрон, от Дуная **отправившись**, за шестьдесят дней на то место прибыл. [В. Н. Татищев. История Российская. Гл. 13-18 (1739-1750)]*

Другое условие устранения временного разрыва – возникновение внутренней оппозиции двух действий:

*Можно сказать, что, **выехав** из Петербурга в новых платьях, приехали сюда в лохмотьях. [Д. И. Фонвизин. К родным (1784-1785)]*

***Выехав** из дому почти против воли (я был приглашен на обед к одному из ближайших соседей), я возвращался обратно восвояси на санях в одиночку, с привязанным к дуге колокольчиком и сопровождаемый молодым кучером... [И.С. Тургенев. Приложение. Конец (1850-1860)]*

Эта оппозиция строится или на значении предикатов (как во втором случае), или также на именных группах (как в первом примере).

В собранном материале есть примеры, в которых представлена обратная ситуация – без временных разрывов: каждое следующее действие выражается глагольной формой, что для современного носителя кажется избыточным.

*После Пасхи, когда просохла дорога, я паки **пошел** в Мануиловку навестить своих друзей и братию, и **пришедши**, нашел их уже готовых ехать в Россию. [Инок Парфений (Агеев). Сказание... 1855]*

*После трапезы **послал** меня отец Иоанн к настоятелю скита, отцу Мельхиседеку, по своей потребности. **Пришедши**, много я с ним разговаривал на дворе, подле келии, и он много меня спрашивал о монастыре Вороне и о жизни, какую ведут монахи. [Инок Парфений (Агеев). Сказание... 1855]*

В отличие от исторического нарратива, где рассказчик и события разделены временной дистанцией, а описываемые события имеют большой масштаб, в рассматриваемом тексте рассказчик описывает свою жизнь в подробностях. Количество реальных действий субъекта соответствует количеству предикатов в тексте – пошел и пришел. Деепричастие оказывается средством уплотнения событий во времени.

Таким образом, кроме примеров, описанных И.И. Ковтуновой, в которых деепричастие несовершенного вида обозначает предшествование, а не одновременность и, по словам И.И.Ковтуновой, не соединяется во времени с основным предикатом:

*Ты не мнишь ли, что, **любив** ону я живую, / Мог по смерти позабыть мне всегда драгую? [В.К. Тредьяковский. Новый и краткий способ к сложению стихов] –*

существует другой тип конструкций с временным разрывом – конструкции с деепричастиями совершенного вида, описывающие перемещение лиц в пространстве. В них представлены два действия, в действительности (в денотативной ситуации) отстоящие во времени, но описывающиеся как непосредственно следующие друг за другом.

§2. Соотношение причастий и деепричастий.

Известно, что деепричастия образовались от причастий, что этот процесс, по мнению всех исследователей, закончился к XVII веку, поэтому в текстах XVIII – XIX веков проблем неразличения этих двух глагольных форм нет.

Как в ту эпоху, так и сейчас есть определенный круг употреблений, где нормально используется и причастие, и деепричастие, и обе формы в контексте взаимозаменяемы:

Мать, любя (любящая) ее страстно, дабы развлечь вседневные ее огорчения, вздумала сделать у себя театр, и меня пригласили играть. [И. М. Долгоруков. Повесть о рождении моем, происхождении и всей моей жизни, писанная мной самим и начатая в Москве, 1788-го года в августе месяце, на 25-ом году моей жизни / Часть 3 (1788-1822)]

Тогда Петр Великий, видя (видящий/видевший), что уже более никаких неприятельских препятствий нет, скоро соизволил Его Величество всюду осмотреть сего места все берега и острова, и по мудрому Его Императорскаго Величества изволением избрал удобнейший из всех прочих островов один небольшой островок... [А. И. Богданов. Описание Санктпетербурга (1751)]

Близость причастий и деепричастий хорошо видна в примерах, где обе формы употребляются в ряду однородных компонентов (членов предложения, оборотов, придаточных):

Пребывая в отдаленном отечества нашего краю; отлученный от твоих ближних; среди людей не известных тебе, ни состороны качеств разума и сердца; не нашед еще может быть в краткое время твоего пребывания, нетокмо друга, но ниже приятеля, с коим бы ты, мог сетовать в одни печали и скорби, и радоваться в часы веселия и утех: ибо печаль и скорбь исчисляются днями и годами, веселие часами, утехи же мгновением. Ты охотно думаю, [4] употребиши час хотя единый отдохновения твоего, на

беседование с делившим некогда с тобою горесть и радовавшимся о твоей радости; с кем ты юношеския провел дни свои. [Радищев, Письмо к другу, жителствующему в Тобольске, по долгу звания своего]

Данное предложение интересно тем, что ряд зависимых сказуемых, представленных в нем, не имеет связи с личным глаголом в рамках этого предложения. Фактически это абсолютное употребление как деепричастий (если мы квалифицируем для этого времени форму *нашед* как деепричастие), так и причастий. Функционально эти зависимые предикаты составляют однородную последовательность. Ср. с примером конца XIX века:

*Наделавшая столько шуму и обратившая общее внимание, связь его с Карениной, **придав** ему новый блеск, успокоила на время точившего его червя честолюбия. [Л.Н. Толстой, Анна Каренина]*

Здесь на месте зависимых предикатов одинаково могут быть употреблены как причастия, так и деепричастия.

Однако если формально причастия и деепричастия разошлись давно, то категориальные различия сформировались несколько позже – это касается категории времени. Современное деепричастие выражает только относительное время, что обозначается термином *таксис*, а современное причастие имеет значение и относительного, и абсолютного времени. Наличие отношений между временем действия или признака, выраженным причастием, и модусом говорящего (что принято связывать с понятием абсолютного времени) обусловлено предикативно-атрибутивной функцией причастного оборота.³ Предикативно-атрибутивная функция причастия допускает употребление причастий как при конкретно-референтной именной группе (например, имени собственном), так и при неопределенно-референтной именной группе (*приезжий господин, гость Пилата*). Таким

³ См. «Синтаксис» А.А. Шахматова, в котором различаются три типа отношений: предикативные, атрибутивные и предикативно-атрибутивные. Последний тип отношений предполагает наличие двух предикаций (по А.А. Шахматову, утверждений) в одном простом предложении: *Добрый человек не мог бы так поступить*. Вторая предикация связана со словом *добрый*, на которое падает ударение. [Шахматов 2001: 29]

образом, предикативную функцию нефинитной глагольной формы обеспечивает относительное время, т.е. связь с основным предикатом, а атрибутивную – наличие абсолютного времени, т.е. связь с модусом говорящего. А.П. Вяльсова в работе, посвященной таксисным свойствам причастия, уделяет внимание возможности/невозможности синонимической замены причастия деепричастием⁴ и выделяет следующие факторы, запрещающие синонимическую замену: разносубъектность, различная временная локализованность (или принадлежность разным коммуникативным регистрам речи), семантический тип предиката, нарушение единого временного периода. [Вяльсова 2008: 76-83]. Вот примеры А.П. Вяльсовой, которые она рассматривает в связи с запретами на синонимическую замену:

В полутемном, теплом доме мертвая тишина. За дверью в коридоре похрапывает старая кухарка, жившая в господском доме еще девчонкою (И.А. Бунин); Грохольский, избалованный женщинами, любивший и разлюбивший на своем веку сотни раз, видел в ней красавицу (Чехов).

Еще пример из диссертации А.П. Вяльсовой:

*При входе Сони Разумихин, сидевший на одном из трех стульев Раскольников, сейчас подле двери, привстал, чтобы дать ей войти; Разумихин, стоявший на пороге, влетел в комнату, схватил больного в свои мощные руки, и тот мигом очутился на диване (Достоевский) замена причастия деепричастием невозможна: *При входе Сони Разумихин, сидя... привстал; стоя...влетел.*

В XVIII-XIX веках некоторые деепричастия в определенных синтаксических условиях могли себя вести так же, как причастия. Это значит, что деепричастие еще сохраняло связь с моментом речи, т.е. могло иметь семантику абсолютного времени (косвенным доказательством этого

⁴ О синонимии причастий и деепричастий см. также: Лекант П.А., Маркелова Т.В. и др. Синтаксис. Синтаксическая синонимия. Пособие для учителей старших классов. М., 1999

можно считать случаи употребления деепричастий в позиции самостоятельного сказуемого). В этом случае современный носитель употребил бы причастие, а не деепричастие.

Рассмотрим пример:

*Дружественный союз народов, **благоприятствуя** взаимному сообщению великих умов, подает справедливую надежду, что науки обогатятся еще открытиями новых феноменов или следствий, новых отношений любопытства к пользе, которая есть истинное совершенство учености. [Н. М. Карамзин. Приятные виды, надежды и желания нынешнего времени (1802)]*

Деепричастие несовершенного вида *благоприятствуя* легко заменяется на причастие - *благоприятствующий*, и при замене причастием возможны два прочтения: 1) маловероятное прочтение – что возможны два типа союзов – *благоприятствующий* и *неблагоприятствующий* (собственно атрибутивная функция, т.е. функция ограничения); 2) более вероятное, синонимичное деепричастию, - *дружественный союз благоприятствует и подает надежду* (предикативно-атрибутивная функция). Вариант с причастием оказывается ближе современному языку.

В этом примере нельзя различить абсолютное и относительное время деепричастия (и причастия в трансформированном варианте), поскольку финитный глагол стоит в форме настоящего времени, но можно еще трансформировать этот пример, превратив временную характеристику причастия в настоящее расширенное:

*Дружественный союз народов, всегда **благоприятствующий** взаимному сообщению великих умов, подавал им справедливую надежду, что...*

При такой переделке ощущается различие причастия и деепричастия: причастие настоящего времени выражает знание говорящего и одновременность к моменту речи (расширенное настоящее), а глагол в прошедшем времени указывает на то, что надежды существовали до момента

речи. В таком предложении странно использовать деепричастие: ??*Дружественный союз народов, всегда **благоприятствуя** взаимному сообщению великих умов, подавал им справедливую надежду, что...* Однако это нормальное употребление для конца XVIII- начала XIX века (см. ниже примеры с деепричастием любя)

Ср. пример, в котором деепричастие от неакционального глагола легко заменяется на причастие:

*Имя Государя Киевского, **напоминая** знаменитость древних Князей Великих, доставляло ему уважение от Монархов соседних. [Н.М. Карамзин, т.3, гл.3] = Имя, напоминавшее/напоминающее знаменитость древних Князей Великих, доставляло ему уважение от Монархов соседних.*

И учитывая нестандартность конструкции *имя доставляло уважение*, можно сказать, причастие при неодушевленном существительном выглядит более приемлемым, чем деепричастие. (см. главу 3)

Возьмем пример, в котором замена деепричастия причастием даст явный семантический сдвиг:

*Летописцы, **уважая** дела набожности более государственных, сказывают, что никто из Князей Смоленских не превзошел Давида в украшении храмов. [Н.М. Карамзин, т.3, гл.3]*

Заменяем деепричастие *уважая* на причастие *уважающие*:

Летописцы, уважающие дела набожности более государственных, сказывают, что никто из Князей Смоленских не превзошел Давида в украшении храмов.

В предложении с деепричастием рассматриваются все существующие летописцы, они уважают дела набожности более государственных и поэтому считают, что никто из Князей Смоленских не превзошел Давида в украшении храмов. При употреблении причастия группа описываемых летописцев сокращается – в нее входят только те, которые уважают дела набожности более государственных, это значит, что существуют и другие, но они так не считают. Т.е. причастие выполняет атрибутивную (ограничительную)

функцию, а деепричастие является просто зависимым предикатом. Карамзин использовал форму деепричастия, т.к. все летописцы, по его мнению, набожны и из этого нет исключения. Для современного русского языка больше характерно использование формы причастия в обоих случаях, а для разделения двух смыслов будет использована интонация.

В тех случаях, когда в современном русском языке используется причастие, на рубеже XVIII-XIX веков очень часто встречается деепричастие. Такое употребление деепричастий можно продемонстрировать на примере глагола *любить*:

Цветущее воображение греков, любя приятные мечты, изобрело гипербореев, людей совершенно добродетельных, живущих далее на север от Понта Эвксинского... [Н. М. Карамзин. История государства Российского: Том 1 (1803-1818)]

Отменно любя Верхуславу, отец и мать дали ей множество золота и серебра; сами проводили милую, осьмилетнюю дочь до третьего стана и со слезами поручили сыну Всеволодовой сестры... [Н. М. Карамзин. История государства Российского: Том 3 (1808-1818)]

Но горячо любя и уважая церковь, Никон заботился не только о приведении внешней ее стороны в надлежащее состояние; нужно было, чтобы и власть, которая наблюдала над церковью, была высоко поставлена. [Н. И. Костомаров. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Выпуск четвертый: XVII столетие (1862-1875)]

Любя до страсти мореплавание, Петр предложил завести морскую академию, также преимущественно для дворянских детей.... [Н. И. Костомаров. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Выпуск шестой: XVIII столетие (1862-1875)]

Великой княгине угодно было отстрочить свадьбу до Святой недели, дабы успеть сшить приданое, но великий князь, любя скорую решимость, назначил быть ей в последнее воскресенье пред масленицей, к чему стал и я приготовляться. [И. М. Долгоруков. Повесть о рождении моем,

происхождении и всей моей жизни, писанная мной самим и начатая в Москве, 1788-го года в августе месяце, на 25-ом году моей жизни / Части 1-2 (1788-1822)]

Жена, не любя сама выезжать, охотно к себе всех принимала. [И. М. Долгоруков. Повесть о рождении моем, происхождении и всей моей жизни, писанная мной самим и начатая в Москве, 1788-го года в августе месяце, на 25-ом году моей жизни / Часть 4 / 1799-1806 (1788-1822)]

Все приведенные деепричастия от глагола *любить* могут быть заменены на причастия, с некоторыми изменениями порядка слов предложения. На современном этапе развития языка деепричастие *любя* имеет гораздо более узкую сферу употребления и во всех этих случаях, скорее, было бы употреблено причастие *любящий*. Можно с помощью корпуса русского языка сравнить употребимость данного причастия и деепричастия в разное время. В период с 1750 по 1850 деепричастие явно было более распространенным – 216 употреблений (в 85 текстах), а причастие встречается, по данным корпуса, только в 60 случаях (в 40 текстах). В следующий рассматриваемый период – с 1850 по 1920 - ситуация меняется: количество причастий увеличивается до 383 (в 152 текстах), что оказывается выше, чем количество деепричастий – 320 употреблений (в 170 текстах). Подобная ситуация представлена и в современных текстах (взят период с 1950 по 2010): *любящий* встречается в 313 случаях (231 текст), а *любя* – в 276 случаях (209 текстов). Таким образом, количественно они примерно уравниваются. Однако стоит учесть несколько важных факторов: 1. Причастие от глагола *любить* прошедшего времени – *любивший* – тоже может обозначать одновременность к основному действию и его сфера употребления существенно расширяется относительно конца XVIII века (от 22 употреблений тогда до 165 сейчас). Оно часто находится в отношениях синонимии с причастием настоящего времени. 2. Деепричастие *любя* гораздо чаще, чем причастия употребляется в контекстах с местоимениями, т.е. имеет такую сферу употребления, из которой оно, вряд ли, вытеснится

причастием. 3. Существуют другие условия, при которых удобнее использовать деепричастие, а не причастие. Например, причастие должно непосредственно контактировать с субъектом, к которому относится:

Ступишин, как Александр, любя рубить узлы, коих развязать не умеет, стал меня принуждать властным образом явиться в суд. [И. М. Долгоруков. Повесть о рождении моем, происхождении и всей моей жизни, писанная мной самим и начатая в Москве, 1788-го года в августе месяце, на 25-ом году моей жизни / Часть 4 / 1791-1798 (1788-1822)]

В случае замены на причастие зависимый предикат будет относиться уже к другому субъекту.

Таким образом, следует констатировать тот факт, что в современном русском языке возросло количество причастий от глагола *любить* и они потеснили деепричастия.

Тот факт, что во многих конструкциях с глаголом *любить* современный носитель, скорее, употребит причастие, можно объяснить тем, что семантически глагол *любить* выражает постоянный признак, и это лучше отражается именно в причастии, как форме, носящей значение абсолютного времени, время которого не зависит от времени основного предиката. В отличие от причастия, деепричастие имеет значение относительного времени и должно сочетаться с основным предикатом по всем временным параметрам, а именно: не только собственно по категории времени, но и по временной локализации. А.В. Бондарко об этом говорит так: «Понятие единства временного плана (целостности временного периода) включает однородность действий с точки зрения их конкретности/неконкретности (узуральности, типичности, вневременности). Все обозначаемые действия должны либо конкретными, либо неконкретными (в указанном смысле). Ср. высказывания типа *Он ел, как едят усталые люди*. Они не образуют единого временного плана, поэтому в данном случае нет оснований констатировать между действиями отношение таксиса» [Бондарко 2002: 510]. В современном русском языке *любя* употребляется только при этом условии - основной

предикат в таких предложениях тоже не обозначает конкретного действия. Частотность употребления деепричастия *любя* в текстах рубежа XVIII – XIX веков можно объяснить тем, что было возможно несогласование по временной локализованности. Рассмотрим следующие примеры из Н.М. Карамзина (подобные примеры на другие глаголы и других авторов можно найти у И.И. Ковтуновой):

В Цюрихе он всякий день обедает в обществе знаменитого Лафатера, любя его за прямоту и добродушие, но сожалея о его ошибочных взглядах. [Н.М. Карамзин, Несколько слов о русской литературе. Письмо в "Зритель" о русской литературе]

О том же писал к отцу и пленник Абдул-Хаир, славя великодушие Феодора, который дал ему и царевичу Маметкулу богатые земли в собственность, любя живить смертных и миловать виновных. [Н. М. Карамзин. История государства Российского: Том 10 (1821-1823)]

Но любя непорочность более всего в мире, она схватила нож и, хотев ударить им насильника в горло, уязвила в руку. [Н. М. Карамзин. История государства Российского: Том 5 (1809-1820)]

Н.М. Карамзин легко сочетает глагол, имеющий очень широкие временные рамки, с конкретным действием, локализованным в определенном моменте времени.

Сейчас согласование двух предикатов по временной локализованности уже не нарушается. В современных текстах можно найти только показательное, с лингвистической точки зрения, «обыгрывание» семантического «несогласования» между предикатами в таксисной конструкции, ср. пример:

И последнее/ среди нас есть молодой художник. Мы его здесь открыли. Он здесь жил / рисуя картины / осуществляя свою "человеческую" практику. [Форум «Гуманитарные практики» (2000-2004)]

Личный глагол вводит узуально-локализованный констатирующий бытийный предикат, первый зависимый предикат, выраженный

деепричастием, согласуется с финитной формой в едином временном периоде. А вот следующее в цепочке деепричастие нарушает структуру и вводит интерпретирующий предикат, обусловленный точкой зрения субъекта речи, не совпадающей с точкой зрения субъекта диктума. Это делает отношения между деепричастиями присоединительными, что обнаруживается при подстановке *тем самым (рисую картины и тем самым осуществляя человеческую практику)*. Кроме того, глагол «осуществлять» в соединении с именной группой «человеческая практика» предназначен для организации гномического предиката, соединяющегося с субъектом класса (Художник, рисуя картины, осуществляет свою «человеческую» практику). Здесь он снижается в своей временной абстрагированности и читается почти иронично. Данный пример выглядит именно как «языковая игра», а не как случайная ошибка.

Подводя краткий итог, можно сказать, что деепричастие в отличие от причастия более зависимо от основного предиката по категории времени, оно обязательно должно сочетаться с основным сказуемым по типу временной локализованности. Причастие же имеет абсолютное значение времени и поэтому может обозначать признак, не привязанный к определенной точке во времени. Однако на рубеже XVIII-XIX веков это семантическое условие употребления деепричастия только начинало формироваться.

Выводы к главе.

В этой были рассмотрены такие семантические признаки, как единство временного периода, согласование по временной локализованности, наличие у деепричастия абсолютного времени, которые связаны с условиями употребления деепричастия и имеют непосредственное отношение к идее времени. Внимание к этим семантическим признакам позволяет увидеть зависимый таксис в процессе его формирования.

Категория таксиса в современном понимании предполагает «тесную» временную связь двух действий. Это значит, что они должны

согласовываться по времени и не быть оторваны друг от друга, что деепричастие относится ко времени речи только через время основного предиката.

Деепричастие до 1840-х годов не имело таких строгих рамок в употреблении. Сфера его употребления охватывала сферы употребления современных причастий, придаточных предложений и отглагольных синтаксем с тем же значением. Деепричастие, в отличие от других способов выражения зависимых предикативных единиц, имело сравнительно небольшую собственную историю, поэтому XVIII-XIX вв. – это тот период, в который складывалась категориально-синтаксическая сущность деепричастия как формы, выражающей отношения одновременности/разновременности двух событий, связанных общностью временного периода.

Глава 3.

Категория субъекта и проблема употребления деепричастия.

Деепричастие образует полипредикативную конструкцию, в которой соединяются минимум две ситуации, совпадающие по субъекту, поэтому о субъекте вспоминают не тогда, когда речь идет о системном статусе деепричастия, а тогда, когда формулируют условия употребления этой формы, то есть когда обсуждают проблему синтаксической нормы. В современных справочниках говорится о том, что «действие, обозначаемое деепричастием относится, как правило, к подлежащему данного предложения» [Розенталь и др. 1999: 320]. При этом авторы предпочитают пользоваться понятием «производитель действия» или говорить о том, что деепричастный оборот может и «не выражать действия подлежащего» [там же: 321].

В ломоносовском же правиле речь шла о совпадении не по субъекту или подлежащему, а по лицу, при этом примеры давались как на первое лицо, так и на третье. В грамматиках XX века правило стало формулироваться в связи с теорией членов предложения, это значит, что лингвисты говорят не о совпадении по лицу, а об отнесенности деепричастия к подлежащему. Интересно, что в комментарии к речевым ошибкам, собранных по записям высказываний политиков и журналистов, Ю.Н. Караулов вновь возвращается к категории лица, он пишет: «Деепричастный оборот относится к определенному грамматическому лицу (я, мы, вы) и обозначает дополнительное действие по отношению к основному действию того же лица, то есть логический и грамматический субъект деепричастного оборота и последующего действия в такого типа конструкциях должен оставаться одним и тем же» [Горбаневский, Караулов, Шаклеин 1999: 153] Таким образом, в формулировках деепричастной нормы использовались разные

понятия – лицо, вещь, производитель действия, подлежащее и субъект. Родовым для этих понятий является категория субъекта – и как термин, калькой с которого является наше подлежащее, и как компонент предложения, которому приписывается предикативный признак, и как активная субстанция (агенс), противопоставленный пассивным субстанциям (пациенсу, объекту, экспериенту и др.).

В синтаксисе и семантике предлагают разные классификации субъектов. Онтологическая классификация различает субъекты личные, предметные, пространственные и пропозициональные, которые образуют Я-/Он-/Оно-предложения [Степанов Ю.С. 1981]. Логическая классификация делит все субстанции на инстанты, индивиды, классы [Булыгина, Шмелев (1989) 1997]. Э.Бенвенист делил категорию субъекта на лицо (1-е и 2-е лицо, участники речевого акта) и не-лицо (3-е, предмет мысли). С введением в русистику понятий диктума и модуса (после работ Ш. Балли) деление Э. Бенвениста стало представляться как деление на субъекты модуса и субъекты диктума [Онипенко 1994].

Собранный нами материал показывает, что деепричастие не безразлично ни к онтологической типологии, ни к логической, ни к функционально-грамматической. В последующих параграфах будут рассмотрены примеры, в которых семантика и синтаксис деепричастия оказываются соотношенными с характеристиками субъекта.

Следует отметить, задачу соединить грамматическое описание деепричастия с типологией субъектом поставила перед собой автор докторской диссертации О.М. Чупашева [Чупашева 2010]. Однако ее типология субъектов носит формальный характер (именные – местоименные, выраженные – невыраженные, прямые – косвенные), а сама работа сугубо описательная, основанная на понятиях морфосинтаксиса и типологии синтаксических связей.

Прототипическим субъектом является агенс, то есть человек, способный контролировать ситуацию собственной волей и совершать

действия за счет собственной энергии, – субъект личный. Основным способом выражения агенса в языках номинативного строя является именительный падеж подлежащего. Следовательно, рассмотрение проблемы взаимодействия деепричастия и категории субъекта стоит начать с отношений деепричастия и подлежащего. Этому будут посвящены первые три параграфа данной главы. В первом обсуждаются варианты выражения подлежащего при кореферентных предикатах, рассматриваются примеры с выраженным подлежащим в составе деепричастного оборота, во втором – возможность отнесения деепричастия к подлежащему в страдательной конструкции, а в третьем – категория одушевленности/неодушевленности в рамках подлежащего и употребление деепричастия.

§ 1. Возможность/невозможность подлежащего в деепричастном обороте.

В правиле, сформулированном М.В. Ломоносовым, особое внимание привлекает пример, который он приводит как нормативный - *написав я грамотку, посылаю за море*. Подлежащее находится в составе деепричастного оборота, что не свойственно современному употреблению деепричастия. Примеры, подобные ломоносовскому, можно встретить в текстах XVIII в.:

Возрастая до толикого величества Россия и восходя чрез сильные и многообразные препятства, коль многие деяния и приключения дать могла писателям, о том удобно рассудить можно. [М. В. Ломоносов. Древняя российская история. Фрагменты (1754-1758)]

Един везде вся исполняя,

Себя в себе я заключаю,

Днесь все во мне, во всем я жил. [А.Н. Радищев, Стихотворения]

Подлежащее относится к обеим частям предложения, но стоит в деепричастном обороте. Это можно объяснить тем, что деепричастный оборот в конце XVIII века ощущался как синоним придаточного

предложения, где подлежащее вводится в первом предложении, а для следующего упоминания о подлежащем используется анафорическая отсылка. Так, в примере из А.Н. Радищева, который можно рассматривать как ненормативный из-за субъекта в дательном падеже, подлежащее повторяется два раза (считая с предложным субъектно-локативным – даже три), во всех частях полипредикативной конструкции.

Иногда подлежащее находится в препозиции к деепричастию и тяготеет именно к нему (а не к финитной форме основного сказуемого), потому что наложились две синтаксические конструкции: предложение с деепричастным оборотом и придаточным определительным:

...Повелел тотчас каждому из них возвратить их шапки, которые они принимая, лобызали десницу своего повелителя. [Лит.анекдот времен Петра Великого]

Особенностью текстов XVIII века является то, что в таком сочетании подлежащее стоит при первом предикате в линейной последовательности⁵. В современном синтаксисе подобное предложение выглядело бы следующим образом:

*...Повелел тотчас каждому из них возвратить их шапки, **принимая которые**, они лобызали десницу своего повелителя.*

Изменился порядок слов внутри деепричастного оборота, и подлежащего при деепричастии нет. Смотри современный пример:

Традиция, следуя которой вводные слова и обращения рассматривают как виды осложнения, связана с пунктуационной практикой и во многом объясняется учебными задачами [из научной литературы]

По закону экономии языковых средств подлежащее, употребленное в деепричастном обороте, обычно не повторяется в основной части

⁵ О взаимодействии деепричастий и сложных предложений в текстах XVIII века писала Герта Хютль-Фольтер [G. Hüttl-Folter 1996]. Г. Хютль-Фольтер рассмотрела деепричастия в переводном тексте А.Кантемира и отметила конструкции, соединяющие союзное слово и деепричастие. Ее пример:

Пресечь употребление тех опасных правил, которые привлекая к себе множество людей, подрывают Государственные конституции... [А.Кантемир. Рассуждение об оказательствах к миру] [G. Hüttl-Folter 1996: 229]

предложения, однако существуют случаи повторения. Это может быть обусловлено объемом предложения и необходимостью напомнить читателю о введенном субъекте, т.к. первое его упоминание было давно:

*Несмотря на этот подленький голос при виде опасности, вдруг заговоривший внутри вас, **вы**, особенно **взглянув** на солдата, который, размахивая руками и осклизаясь под гору, по жидкой грязи, рысью, со смехом бежит мимо вас, — **вы** заставляете молчать этот голос, невольно выпрямляете грудь, поднимаете выше голову и карабкаетесь вверх на скользкую глинистую гору.*[Л.Н. Толстой. Севастопольские рассказы.]

В этом предложении автор повторяет местоимение *вы*, чтобы соединить конструкцию.

*...— она́, уразумёв, колико нужно сообразова́ть зако́ны с о́бщим наро́дным умоначертанием, — кото́рое в России со времён Собо́рного Уложе́ния во всем переменя́лось, кото́рое со времён Петра I, а па́че со времён Елизаветы, взяло уже́ вид совсе́м но́вый, а с нача́ла ея́ ца́рствования начина́ло входиа́ть в стезю́ о́бщего умоначертания Европы, — импе́ратри́ца **Екатерина** вознамёрилась положи́ть основа́ние росси́йскому госуда́рству...*
[А. Н. Радищев. О законоположении (1801-1802)]

Другой вариант повторного упоминания подлежащего связан с авторским замыслом, он вводит другую, позитивно окрашенную, номинацию:

*Тогда **Петр Великий**, видя, что уже более никаких неприятелских препятствий нет, скоро соизволил **Его Величество** всюду осмотреть сего места все берега и острова, и по мудрому Его Императорского Величества изволением избрал удобнейший из всех прочих островов один небольшой островок, посреди Большой Невы лежащий, благоизволил на оном острове заложить Крепость во Имя Тезоименитаго своего ангела, Святаго Первоверховнаго Апостола Петра, майя в 16 день 1703-го года, которую и наименовал Санктпетербург...*[А. И. Богданов. Описание Санктпетербурга (1751)]

В данном контексте *Его Величество* – это не просто повторная номинация, но номинация с дополнительной окраской – положительной оценкой всех действий Петра, она также ощущается в ингерентной коннотации слов – *соизволить, мудрое изволение, благоизволил и пр.* – то есть Петр предстает как мудрый и великий государь, что автор текста все время отмечает.

Позиция подлежащего в составе деепричастного оборота – нормальное явление для текстов XVIII века, но в XIX такие употребления уже стали считаться архаическими. По мнению И.И. Ковтуновой, в первой трети XIX века их можно встретить преимущественно в стихах [Очерки 1964: 394]:

Приемля лиру я незвонкую, печальну,

Хочу воспети песнь унылу, погребальну! [К.Ф. Рылеев, Луна]

В современном русском языке нормативно употребление подлежащего в составе основной части, однако в составе деепричастного оборота остались следы подлежащего, их отмечали в своих работах Савина В.М [Савина 1989] и Тестелец Я.Г. [Тестелец 2001]. В русском языке существуют такие местоименные и количественные определители, как *весь, сам, каждый, оба, один, первый* (очень ограниченная группа), они являются частью деепричастного оборота, но согласуются в роде, числе и падеже с подлежащим и «выступают как бы его полномочными представителями» [Савина – 1989: с.103]. Я.Г. Тестелец называет их «плавающими определителями» и отмечает, что они могут находиться в деепричастных, инфинитивных и других синтаксических оборотах. Такие «плавающие определители» могут иметь генетическую связь с тем подлежащим, которое включалось в состав деепричастного оборота

§ 2. Возможность отнесения деепричастия к подлежащему в страдательной конструкции.

Правило употребления деепричастий, сформулированное М.В. Ломоносовым, не оговаривает возможности употребления деепричастий при страдательном залоге, когда деепричастие относится к подлежащему, но сказуемое оформлено страдательным залогом. Однако в произведениях самого М.В. Ломоносова такое употребление можно найти:

Тот злою львицею в пустых горах рожден,

Кто, видя с младостью природу в нем высоку,

К жалению по нем не будет побужден. [М.В.Ломоносов, Тамира и Селим]

Особенностью данных примеров является то, что денотативно совпадают субъект деепричастного оборота и подлежащее основной части, но не совпадают их семантические роли: агенс одного действия является пациенсом другого. То есть при страдательном обороте субъектные компоненты различаются степенью активности, то есть ролью, и следовательно, один из них теряет свойства прототипического субъекта.

Формально грамматики XIX века не запрещают такие конструкции, и в текстах конца XVIII-XIX века они встречаются. Например:

Окончив учение в Московском университете, принят я был в начале 1762 года в Коллегию иностранных дел переводчиком. [Я. И. Булгаков. Документы (1801)]

Родившись от правоверных родителей, просвещен святым крещением, и наречен был Алексей. [Инок Парфений (Агеев). Сказание о странствии и путешествии по России, Молдавии, Турции и Святой Земле. 1855]

Святополк, утратив любовь народную, был переведен Изяславом в область Владимирскую. [Н.М. Карамзин, История..., т.2, гл.12]

Первый пример, несмотря на грамматическую неправильность, без труда осмысливается – это происходит потому, что, во-первых, деепричастие

выражает временной фон и читается в связи с предложно-падежной формой *по окончании*; во-вторых, потому, что деепричастие *окончив (учение)* имеет временную направленность вперед, после окончания учебы человек совершает какие-то другие важные поступки. Видимо, поэтому такие же предложения встречаются и в современных текстах:

Окончив школу-студию МХАТ, ее приняли в театр Сатиры [«Женские истории»] (такое употребление неопределенно-личной формы определяют как квазипассивное).

Второй пример сближается с первым, т.к. это фрагменты биографии, поэтому деепричастие обозначает одной из событий на линии жизни человека. (см. ниже пример о Сергее Эфроне).

Третий пример - из текста «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина. Данное употребление обусловлено как отсутствием правила, ограничивающего деепричастия при страдательном залоге, так и особыми текстовыми функциями, которые выполняют деепричастия в исторических текстах (см. гл. 4). Особенно интересен тот факт, что в приведенном примере, с точки зрения современного носителя языка, представлена ситуация, когда семантическая роль у субъекта-подлежащего и там, и там одинакова – объект, а не субъект действия, то есть нет несовпадения ролей.

Нормативные грамматики XX века деепричастный оборот, относящийся к страдательному залогу, запрещают, несмотря на частотность такого употребления. Так В.А. Ицкович относит к ненормативным следующий пример:

Танк, получив большое количество пробоин, был подожжен.

Однако ненормативность данного примера заключается не столько в употреблении страдательной конструкции, сколько в неочевидности временной и причинно-следственной связи между двумя частями конструкции (ср. приведенные выше примеры из Н.М. Карамзина и Я.И. Булгакова, где причинно-следственная связь выражена яснее).

Из всех ненормативных примеров можно вычлени́ть некоторые вполне осмысливаемые конструкции, в которых действуют дополнительные факторы, позволяющие понимать конструкцию, несмотря на страдательный оборот. Обычно это наличие временных и причинно-следственных отношений между частями. Сравним два примера:

Сергей Эфрон, вернувшись на Родину, был арестован и убит. [из ЕГЭ]

И другой пример:

Приехав во Владивосток, на 2-ой день юный коммерсант был найден убитым. [из тестов по РЯ]

В первом примере присутствует кроме временной еще и причинно-следственная связь, которую адресат знает, если он знаком с историей Сергея Эфрона и его семьи. И наличие этой связи усиливает внутренние отношения между двумя предикатами и делает предложение осмысливаемым, несмотря на наличие страдательного залога. Адресат высказывания просто не обращает внимания на страдательный оборот. Во втором же примере представлена временная связь событий, но эти отношения осложняются авторизацией, то есть появляется причастие от глагола найти, связанное с неопределенно-личным субъектом модуса. Степень участия субъекта, который перемещается, в этой ситуации минимальна. Количество сосуществующих субъектов в таком случае даже не два, а три – юный коммерсант, убийца и человек, который его нашел. Кроме того, есть разрыв во времени, что не соответствует требованию единого временного периода.

Следует отметить, что конструкции первого типа частотны в текстах на исторические темы, биографиях знаменитых людей и в сюжетных текстах (как хронологических нефикциональных, так и фикциональных, художественных). Собранный нами материал по XIX веку показывает, что конструкция используется активно и не воспринимается как аномалия. Приведем некоторые примеры:

Пройдя несколько комнат, я был встречен самим графом, дрожащим и бледным как полотно. [М. Ю. Лермонтов. Княгиня Лиговская (1838)]

*В пятницу после обеда, **возвращаясь** из гимназии, я был встречен обрадованною маменькою, известившею меня о получении из-за границы писем. [И. А. Гончаров. Письма (1842-1859)]*

Статистический подсчет по запросу в Национальном корпусе русского языка показал, что из 71 предложения с предикатом *был встречен* в текстах XIX века, в 10 случаях он используется в сочетании с деепричастием от глагола перемещения в пространстве. Такие сочетания, как *была встречена* и *были встречены* имеют соответственно 28 и 32 вхождения, но, в отличие от формы мужского рода, с деепричастием используется только по 2 раза. Это можно объяснить тем, что «героями дороги» обычно являются мужчины. В качестве синонимов деепричастного оборота встречается придаточное времени (одно- и двусубъектная конструкция), причастие или девербатив:

Когда экипаж въехал на двор, господин был встречен трактирным слугою, или половым, как их называют в русских трактирах, живым и вертлявым до такой степени, что даже нельзя было рассмотреть, какое у него было лицо. [Н. В. Гоголь. Мертвые души (1842)]⁶

Отпущенный родителями из Новгорода, сей юноша был встречен ими с искреннею радостью... [Н.М. Карамзин, История..., т.5 (1809-1820)]

*...1-й и 2-й батальоны Селенгинского полка, **по выходе из кустов**, также были встречены картечью и ружейным огнем. [М. И. Богданович. Восточная война 1853 - 1856 годов. Т.1 (1876)]*

Сюжет о конструкции «деепричастие от глагола перемещения + предикат *был встречен*» позволяет сделать предположение, что в текстах, излагающих последовательность событий во времени и движение героев в

⁶ Знаменитая фраза Н.В.Гоголя формально представляет собой двусубъектную конструкцию: Экипаж въехал, господин был встречен. Но мы понимаем, что в экипаже сидел тот самый господин. Поэтому при пересказе этой фразы используется девербатив и образуется односубъектная конструкция: При въезде во двор губернского города NN приезжий господин/Чичиков был встречен трактирным слугой. (см. разные варианты кратких пересказов содержания «Мертвых душ» для школьников).

пространстве, страдательный оборот не является помехой для использования деепричастий. Ср. современные примеры из интернет-ресурсов:

... Вернувшись из Саудовской Аравии в США, Шварцкопф был встречен как герой.

вернувшись домой, в Бирюлево, Ян был встречен квартирным ...

Вернувшись в Гибралтар, Соединение Н было встречено «Фьюриесом», который передал на «Арк Ройял» долгожданные самолеты. Это была еще одна эскадрилья ...

Ср. пример, вполне нормативный, в котором используется глагол *встретить* в действительном залоге:

Войдя в первую комнату, обставленную койками, на которых лежали раненые, и пропитанную этим тяжелым, отвратительно-ужасным госпитальным запахом, они встретили двух сестер милосердия, выходивших им навстречу. [Л. Толстой, Севастопольские рассказы] = увидели, столкнувшись с ними.

В значении «был встречен» с деепричастием может быть использован перцептивный глагол *видеть*: ср. *Он встретил хороший прием = Он увидел, что ему рады.*

Между тем Великий Князь, несколько времени лежа на земле, собрал силы, встал и едва не был изрублен собственными воинами, которые, в жару битвы, не узнали его. "Я князь", - говорил он. "Тем лучше", - сказал один воин и мечом рассек ему шлем, на коем блистало золотое изображение Святого Пантелеймона. Изяслав, открыв лице, увидел общую радость киевлян, считавших его мертвым. [Карамзин, Итория государства Российского, т.3].

Дело в том, что Изяслав и в шлеме, закрывающем лицо, видел, людей вокруг себя, поэтому «открыв, увидел» понимается не только как «открыв глаза, увидел (стал видеть)», но и как «открывший и узнанный киевлянами Изяслав был встречен радостью..(радостными улыбками, криками...».

Эти примеры свидетельствуют о том, что ситуация не меняется, что носители языка используют деепричастие при предикате *был встречен*, поскольку не видят двусубъектности конструкции. В подобных предложениях действует механизм эмпатии, читатель двигается по сюжету с одним героем и видит все его глазами.⁷

Еще одним случаем, когда форма страдательного причастия в основном предикате не запрещает использования деепричастия, является предложение с предикатами эмоционального состояния – *удивлен, поражен, обрадован, огорчен, обижен* и пр. Их семантика в XX – XXI веке уже не связана с категорией залога. Это касается не только причастной формы, но и глаголов: в паре *удивить-удивиться, поразить-поразиться* семантически исходным является возвратный глагол, а невозвратный образует каузативную конструкцию. Ср. *Он удивил всех своим приездом – Все удивились его приезду*. При возвратном глаголе нет творительного падежа, и это говорит о том, что это не страдательный залог. Причастная форма сохраняет творительный падеж причины и допускает замену дательным: *удивлен/поражен чем?/чему?* Но в них не сохраняется страдательного значения – *удивлен=удивился*.

Рассмотрим примеры использования деепричастия при предикатах эмоционального состояния. Собранный материал (в количестве 15 контекстов) можно разделить на 3 типа – с деепричастиями от глаголов перемещения, с деепричастиями от ментальных глаголов и с деепричастиями от обоих типов. Приведем на каждый тип по одному примеру:

Подъезжая к самой Дмитровке, он был очень удивлен: половина почти полей оставалась незапаханною. [А. Ф. Писемский. Взбаламученное море (1863)]

Каким громовым ударом я поражен был, услыша, что уже более пяти лет, как она преставилась. [В. Т. Нарезный. Бурсак (1822)]

⁷ Ср. Был встречен ликованием = встретил ликование. Был встречен аплодисментами = получил аплодисменты.

Раз случилось, что новый губернатор нашей губернии, обзревая наездом наш городок, очень обижен был в своих лучших чувствах, увидав Лизавету, и хотя понял, что это «юродивая», как и доложили ему, но все-таки поставил на вид, что молодая девка, скитающаяся в одной рубашке, нарушает благоприличие, а потому чтобы сего впредь не было. [Ф. М. Достоевский. Братья Карамазовы (1880)]

Эмоциональное состояние должно иметь причину: эмоция возникает не непосредственно от факта, а от знания, понимания, наблюдения факта: *Я обрадовался приезду отца = Я обрадовался, узнав, что отец приехал.* То есть причина может быть выражена ментальным глаголом в форме деепричастия – см. второй и третий пример. Однако процесс получения знаний может и не быть эксплицирован – см. первый пример. Тогда деепричастие, принадлежащее сфере модуса, оказывается в нуле: *...он был удивлен, видя, что половина почти полей...* Таким образом, в конструкциях с деепричастиями от ментальных глаголов деепричастие вербализует модус.

Глаголы перемещения, оформленные деепричастием, обозначают условия, при которых возникает возможность восприятия события и последующее эмоциональное состояние, то есть деепричастия от глаголов перемещения, встречающиеся при предикатах эмоционального состояния, дают пространственно-временную координату происходящих событий. Соответственно, оба эти типа могут совмещаться в рамках одного предложения, и нормально употребляться при предикатах эмоционального состояния, выраженных страдательным причастием.⁸

Автор раздела о деепричастии (Ю.П. Князев) в современном вузовском учебнике по морфологии (Санкт-Петербург, 2007 г.) допускает деепричастный оборот «в некоторых разновидностях пассивных

⁸ Аномальность возникает тогда, когда контекст не допускает модусного прочтения предиката:

* Высадившись на берег, команда Колумба была поражена пальмами [из изложения учеников 11 класса]

Глагол *поразить* имеет значение физического воздействия, т.к. соседствует с существительным конкретной, а не событийной семантики.

конструкций» [Совр.русс.яз. Морфология 2007: 536]. Никаких грамматических уточнений при этом не дается, но приводятся следующие примеры: *Через много лет, **читая** Хлебникова, я был поражен простотой, с которой он выразил это чувство* (В. Каверин); *Мать, **навестя** меня в следующий раз, была огорчена, что я испортил такую интересную книгу* (В. Шефнер). Оба примера с предикатами эмоционального состояния.

Как в XVIII – XIX веках, так и сейчас, распространены предложения, в которых деепричастный оборот соединяется со страдательной конструкцией, однако если в XIX веке не существовало формального запрета на такие конструкции (не было сформулировано подробного правила), то сейчас в пособиях по культуре речи это правило формулируется строго: оно не предусматривает никаких различий в связи с семантикой страдательных предикатов.

Правило хорошо работает на канонических страдательных конструкциях, в которых сохраняется позиция агенса, выраженного творительным падежом, тогда противоречие ролей лежит на поверхности и запрет работает:

****Заболев** дифтерией, он был вылечен известным врачом*
[экспериментальный пример]

Проанализированный материал позволяет говорить о двух причинах, по которым говорящие и пишущие образуют соединения деепричастий со страдательными конструкциями. Первая – «внутренняя»: страдательная форма не имеет страдательного значения. Вторая – «внешняя»: зависимость от содержания текста. В текстах, повествующих о жизни одного героя и о событиях, заполняющих его жизнь, герой оказывается в фокусе эмпатии. Не важно, какую семантическую роль он имеет, важно, что он является

участником всех событий. В результате мы получаем «текстовую» односубъектность.⁹

§ 3. Одушевленность/неодушевленность субъекта и возможность употребления деепричастия.

Деепричастный оборот, предназначенный для выражения таксисных отношений между двумя объективными фактами, прототипически соединяется прежде всего с одушевленными субъектами. Исследователи отмечают это свойство деепричастия при разграничении акциональных и не акциональных глаголов. Например, Г.А. Золотова, обсуждая парадигматические возможности глаголов, указывает невозможность предложений типа **Окна, выходя на террасу* (в отличие от *Дети, выходя на террасу, смеются*) [ЖГ 2004: 67-68]. Из этого следует, что онтологический тип субъекта является одним из факторов, влияющих на возможность употребления деепричастия. Это означает, что в предложениях с неодушевленным подлежащим (неличным субъектом) возможны следующие варианты: (1) полный запрет деепричастий (вопрос: от каких глаголов, при каких субъектах?); (2) свободное использование деепричастных оборотов (при каких условиях, в каких текстах?); (3) использование деепричастия с особым семантическим эффектом (от каких глаголов?).

Если проводить синтаксическую классификацию субъектов по одушевленности/неодушевленности, которая опирается на сочетаемость их с акциональными глаголами¹⁰, то классов окажется не два (одушевленные и неодушевленные), а как минимум три, поскольку есть существительные формально неодушевленные, но функционирующие как одушевленные –

⁹ Этот механизм похож на тот, который называют «фокусной» анафорой, где все анафорические местоимения относятся к одному антецеденту.

¹⁰ Классический вопрос *Что делает?* в прямом значении (не для определения вида, времени и лица глагола) относится к одушевленному существительному и акциональному глаголу. См. пример, в котором глагол изменяет семантику:

«Подите посмотрите, что делает барометр». Давыдов с поспешностью отправился в комнату и, возвратившись оттуда, доложил: «Висит, Ваше Величество». [Екатерина II]

например, собирательные, обозначающие недискретное множество живых существ, группу лиц (собственно-собирательные – *молодежь, старичье, беднота*; количественные, соединяющиеся с родит. колич. – *толпа, стая* (птиц), *косяк* (рыб), *море* (народу), *стадо, табун*).

Кроме того, существует сфера, близкая к человеку, которую образуют существительные, способные метонимически представлять человека – свойства (*Смелость города берет*), части тела¹¹ (*Дурная голова ногам покоя не дает*) – или продукты ментальной деятельности человека, которые начинают определять жизнь других людей (*Закон требует..., Православие предписывает*). По данным Национального корпуса русского языка самая активная часть человеческого тела – рука не встречается в текстах XIX в. в соединении с деепричастием акционального глагола.¹² Но есть глаза, взгляд которых может интерпретироваться субъектом восприятия; ср. особые глаза в повести Н.В. Гоголя «Портрет»:

Два страшные глаза прямо вперились в него, как бы готовясь сожрать его.

Там же о глазах самого Черткова:

А между тем глаз невольно, сам собою, косясь, оглядывал его
(портрет)

Акциональность деепричастия снимается частицей *как бы*, которая указывает на то, что деепричастный оборот выражает впечатление, а не реальность.¹³

¹¹ Ср. у Н.В. Гоголя в «Мертвых душах»: «... шестой уже одарен такою рукою, которая чувствует желание сверхъестественное заломить угол какому-нибудь бубновому тузу или двойке, тогда как рука седьмого так и лезет произвести где-нибудь порядок, подобраться поближе к личности станционного смотрителя или ямщиков...». В повести Гоголя «Нос» часть тела становится полноценным героем и живет по законам субъектов личных: «Сказавши это, нос отвернулся и продолжал молиться».

Б.А. Успенский в книге «Часть и целое в русской грамматике», рассматривая семантику «вторых падежей», обсуждает и повесть Н.В. Гоголя «Нос»

¹² В отличие от текстов XX в., в которых нередки примеры типа *Произошло короткое шевеление, дверь распахнулась, и волосатая рука, схватив ее за майку, втянула внутрь так стремительно, что она чуть не упала* [Т.Устинова. *Богиня прайм-тайма*].

¹³ Обо всех вариантах отношений части и целого, значимых для синтаксиса, см. в [Журинская 1979]

Количественно-собираательные существительные допускают использование деепричастий, как и существительные одушевленные, например,:

*Иван Иванович подошел к воротам, загремел щекоткой: изнутри поднялся собачий лай; но разношерстная стая скоро побежала, **помахивая** хвостами, назад, **увидевши**, что это было знакомое лицо [Н.В. Гоголь. Миргород (1835-1841)].*

*Одна и та же труппа, **подчиняясь** господствующему репертуару, по необходимости обязана подчинять таланты своих артистов известным специальностям одного рода или жанра пьес, часто не соответствующих их природным дарованиям. [И. А. Гончаров. Опять «Гамлет» на русской сцене (1875)]*

В примере из Гоголя деепричастия принадлежат времени актуальному, как и основные предикаты, организованные акциональными глаголами. Во втором примере – морфологически неодушевленное существительное сочетается с финитной глагольной формой и деепричастием во времени узуальном, что приводит к изменению семантики глагольных предикатов: они не выражают конкретных осознанных действий, но выражают закономерности и процессы, между которыми говорящим устанавливаются причинно-следственные отношения. Если на таксисные отношения накладываются причинно-следственные, то связь между двумя предикатами становится теснее.

В определенных художественных системах, в особом художественном пространстве (а речь идет о «петербургском тексте» - термин В.Н. Топорова), как одушевленные ведут себя такие морфологически неодушевленные существительные, например, такие, как: *фигура, образ, силуэт, тень* и пр. Пример из «Петербурга» А.Белого:

*И на этом мрачнейшем фоне хвостатой и виснувшей копоти над сырыми камнями набережных перил, **устремляя** глаза в зараженную бактериями мутную невскую воду, так отчетливо **вылепился** силуэт Николая*

Аполлоновича в серой николаевской шинели и в студенческой набок надетой фуражке. [А. Белый. Петербург]

Особенностью этих существительных является то, что они несут в себе сему неопределенности, а потому работают в реме. Деепричастие же канонически взаимодействует с темой (см. [Йокояма 1983]). Аномальность данного контекста заключается именно в том, деепричастие вводит знание о субъекте как об уже известном, а после, в основной части, вводится неопределенный и неизвестный субъект, обозначенный существительным *силуэт*. Однако еще большая противоречивость возникает оттого, что у силуэта уже есть имя и он уже известен читателю.

В текстах конца XVIII – XIX веков, текстах разных по объему и жанру, встречаются предложения с деепричастными оборотами, относящимися к неодушевленному субъекту. Иногда такие конструкции ощущаются современным читателем как нестандартные; см., например:

Рассудок, предваряя наши печали, от которых он, смею сказать, никогда избавить нас не силен, только что наводит тень на все предметы, и чего бы мы ни видели или ни спознали, то самое так близко подносим к чувствам, что остеречься от огорчения невозможно в таких даже случаях, в которых без утонченного об них размышления иное бы совсем до сердца не коснулось. [И. М. Долгоруков. Повесть о рождении моем... / Часть 4 / 1799-1806 (1788-1822)]

Тетраметры, триметры и диметры сочиняет система двусложными токмо стопами, не употребляя в них пресечения и не разделяя их на два полстишия. [Тредьяковский, О древнем, среднем и новом стихотворении Российском]

В приведенных фрагментах неодушевленные субъекты подаются авторами как «более» одушевленные, однако это плохо воспринимается читателями XXI века: и если *рассудок* – это метонимически обобщенно-личный субъект (разум любого человека), то существительное *система*

современными читателями не осмысливается как одушевленное. Это слово сближается со словами типа *закон, устав, инструкция*.

Способность деепричастия сочетаться с неодушевленным субъектом зависит от семантики глагола, оформленного деепричастием: если в деепричастной форме глагол по первому значению акциональный, то либо он невозможен при неодушевленном субъекте (см. пример с окнами), либо произойдет олицетворение и субъект уже не будет неодушевленным. Рассмотрим еще раз пример с окнами:

Окна выходили на три стороны и давали много света.

Окна, **выходя на три стороны, давали много света.*

Второе предложение выглядит сомнительным, в современном узусе не встречается ни одного подобного употребления (что доказывает поиск в Интернет-ресурсе). Видимо, это связано с тем, что деепричастие из всех значений и употреблений глагола *выходить* берет только акциональное. И неодушевленный субъект не соединяется с акциональным предикатом.

Вторую ситуацию можно проиллюстрировать стихотворением Б. Пастернака «Снег идет»:

Словно с видом чудака,

С верхней лестничной площадки,

Крадучись, играя в прятки,

Сходит небо с чердака. [Б.Л. Пастернак, Снег идет, 1957]

В этом отрывке видно, как благодаря использованию деепричастий от акциональных глаголов происходит олицетворение, оживление субъекта. Деепричастие вносит в предложение одушевленность (подробнее в [Вяльсова 2008: 22])¹⁴.

Авторы XVIII – XIX веков использовали деепричастие при неодушевленных субъектах именно в художественной функции - для олицетворения. Находим немало подобных примеров:

¹⁴ Ср. пример языковой игры, основанной на противопоставлении мира и субъекта речи: «Деньги, правя миром, бегают от меня» [Интернет-ресурс].

*Звон почтового колокольчика, **наскучив** моим ушам, призвал наконец благодетельного Морфея [А.Н. Радищев, Путешествие из Петербурга в Москву].*

Здесь представлены особые отношения между субъектом и объектом действия. Субъект действия неодушевленный, а объект действия одушевленный – это сам рассказчик. Ситуация такова, что рассказчик заснул, слушая звон почтового колокольчика. Однако она подается с акцентом на активность действий колокольчика, то есть звон колокольчика специально наскучил рассказчику и тем самым призвал сон. Глагол *наскучить* в форме деепричастия и в соседстве с сильным акциональным глаголом тоже приобретает акциональное значение. Поэтому все действия почтового колокольчика представляются как намеренные, а рассказчик оказывается объектом этих действий.

В текстах Гоголя олицетворение обусловлено и особенностями художественного мира его героев. Так, в «Ночи перед Рождеством» читаем:

*...ладунка, в которую он спрятал украденный месяц, как-то нечаянно **зацепившись** в печке, растворилась, и месяц, **пользуясь** этим случаем, вылетел через трубу Солохиной хаты и плавно поднялся по небу. [Н.В. Гоголь, Ночь перед Рождеством]*

В этом примере месяц превращается в субъекта, обладающего сознанием и волей.

Полное одушевление неодушевленного существительного может организоваться серией акциональных предикатов, как личных, так и выраженных деепричастием:

*Река то, верная своим высоким берегам, **давала** вместе с ними **углы и колена** по всему пространству, то иногда **уходила** от них прочь, в луга, затем, чтобы, **извившись** там в несколько извивов, **блеснуть**, как огонь, перед солнцем, **скрыться** в роще берез, осин и ольх и **выбежать** оттуда в торжестве в сопровождении мостов, мельниц и плотин, как бы гонящихся за нею на всяком повороте. [Н.В. Гоголь. Мертвые души. Т.2]*

Субъект личный может быть представлен существительным неодушевленным:

*Два богослова обыкновенно решали, как происходить битве: каждый ли класс должен стоять за себя особенно, или все должны разделиться на две половины: на бурсу и семинарию. Во всяком случае **грамматики** начинали прежде всех, и как только вмешивалась **риторика**, они уже бежали прочь и становились на возвышениях наблюдать битву. Потом вступала **философия** с черными длинными усами, а наконец и **богословия** в ужасных шароварах и с претолстыми шеями. Обыкновенно оканчивалось тем, что **богословия** побивала всех, и **философия**, **почесывая** бока, была теснима в класс и помещалась отдыхать на скамьях. [Н. В. Гоголь. Миргород (1835-1841)]*

В повести «Вий» описывается драка, которую обыкновенно затевали учащиеся семинарии, когда опаздывали профессора. Действующие лица обозначены здесь не как философы или богословы, а как философия и богословия, то есть через номинацию науки, которая подразумевает определенную для данного контекста группу лиц. Такая номинация повторяется несколько раз и начинает прочитываться не как собрание людей, а как аллегорическая номинация науки, но в тексте она сочетается с предикатами, обозначающими человеческие действия, что создает комический эффект. Кульминация этого эффекта приходится на конец отрывка, где встречается неодушевленное существительное *философия* и деепричастный оборот *почесывая бока*, который резко обозначает нестыковку одушевленного и неодушевленного.

Употребление деепричастия при неодушевленном существительном встречаются и в научных и публицистических текстах, которые нельзя объяснить созданием художественного эффекта. Например, следующая конструкция из книги С.М. Соловьева «История России с древнейших времен»:

*И новый устав, **исполняя** желание русских торговых людей, не пустил иностранцев во внутренние города. [С.М. Соловьев, История России с древнейших времен, 1863, т.13,гл.1]¹⁵*

Здесь *новый торговый устав* предстает как субъект-носитель воли, и поэтому имеющий возможность не пустить иностранцев во внутренние города. В данном примере видно, что уместно здесь было бы употребить причастие, а не деепричастие. Причастие не меняет статуса неодушевленного существительного, т.к. в причастии отсутствует динамика и акциональность, свойственная деепричастию.

Еще один пример из научного дискурса:

*После того как был установлен факт, что действие флуоресцирующей трубки передается на расстояние, естественно явился вопрос, каким образом, по каким законам распространяется это действие? Распространяется ли **оно** подобно текучей жидкости или звуку, **огИБая** встречающиеся препятствия, или распространяется оно прямолинейно, лучами, подобно свету, **обрисовывая** тени непрозрачных предметов? [П. Н. Лебедев. Об открытых Рентгеном X-лучах (1896)]*

В данном примере употребление деепричастий при неодушевленном существительном выглядит корректно, несмотря на акциональность глаголов, образующих деепричастие, потому что процессы, описываемые в естественнонаучных текстах, являются независимыми от чьей-либо воли и протекают по собственным законам – так они и описываются исследователем.

Нерассмотренными остались такие случаи, когда неодушевленный субъект соотносится деепричастием от неакционального глагола, который не предполагает олицетворения субъекта. Например:

¹⁵ Ср. современный пример: «Кроме того, закон, требуя обязательного перехода права на часть земельного участка, устанавливает существенные условия договора...» [Интернет-ресурс.]

*В данном случае **груши** дозревают вполне, не **теряя** ни вкуса, ни красивой внешности. [Елена Молоховец. Подарок молодым хозяйкам, или средство к уменьшению расходов в домашнем хозяйстве / Запасы из груш, вишни (1875-1900)]*

***Кровля** маленькой мельницы и осенявшие ее старые **ветлы** одиноко белели, **возвышаясь** под сизым, отдаленным горизонтом. [Д.В. Григорович. Кошка и мышка (1957)]*

*Дружественный **союз** народов, **благоприятствуя** взаимному сообщению великих умов, подает справедливую надежду, что науки обогатятся еще открытиями новых феноменов или следствий, новых отношений любопытства к пользе, которая есть истинное совершенство учености. [Н. М. Карамзин. Приятные виды, надежды и желания нынешнего времени (1802)]*

При таком сочетании признаков выбираются деепричастия несовершенного вида. Они выражают стативный признак и выполняют атрибутивную функцию, то есть они выражают уже сопутствующий признак, а не сопутствующее действие.

Таким образом, возможность соединения деепричастия и неодушевленного субъекта обусловлена несколькими факторами: а) синтаксической одушевленность/неодушевленностью субъекта; б) семантикой предиката – акциональность/неакциональность; в) актуальностью/неактуальностью времени (временной локализованностью предиката); г) функциональным стилем и жанром текста.

Если существительное неодушевленное (например, предметное), то оно может нормально сочетаться с деепричастием от неполнознаменательного или полнознаменательного неакционального глагола, однако сочетание с акциональным глаголом будет оказываться возможным в двух случаях – при олицетворении субъекта (переход из неодушевленного в одушевленные) или особый контекст (например, научный

стиль, в котором акциональные глаголы теряют сему акциональности и связь с актуальным временем).

§ 4. Деепричастие и субъект модуса.

4.1. В этом параграфе пойдет речь о нарушении правила деепричастия в его каноническом виде, то есть несовпадении субъекта деепричастия и субъекта основного действия, которое выражено и на формальном уровне - деепричастие не относится к подлежащему основной части.

По текстам рассматриваемого периода было собрано более 80 примеров, нарушающих основное правило употребления деепричастий (в это число не входят примеры со страдательными конструкциями, рассмотренные выше). Исследование данных примеров показало, что основной причиной нарушения правила является принадлежность одного субъекта модусу говорящего. Собранные примеры можно поделить на два основных класса в соответствии с типом модуса, первый организуется субъектом мнения и речи, второй - субъектом восприятия (наблюдатель).

Модус – понятие, которое вошло в русистику после работ Ш. Балли. В работах Т.Б. Алисовой ([Алисова 1971]), Н.Д. Арутюновой ([Арутюнова 1988]), Т.В. Шмелевой ([Шмелева 1984; 1995]) модус рассматривался в связи с классическими объектами синтаксиса – простым и сложным предложением – а также в связи с семантикой вводно-модальных слов.

Г.А. Золотова в книге 1973 года ввела понятие авторизации и, не используя термина модус, интерпретировала ряд синтаксических конструкций в отношении к Я говорящего. Позже в статье Н.К. Онипенко 1985 года была обоснована идея субъектной перспективы высказывания, в статье 1994 года она предложит модель субъектной перспективы текста, которая состоит из пяти субъектных сфер, и три из них принадлежат модусу (субъект сознания, субъект речи, субъект восприятия речи). Модель субъектной перспективы позволяет анализировать явления разных уровней – от простого предложения до текста.

Модель субъектной перспективы была применена к деепричастию в «Коммуникативной грамматике», где обсуждаются возможности синонимических замен причастия и деепричастия и приводится пример: *Гость, приехавший вчера, оказался биологом - *Гость, приехав вчера, оказался биологом.* Невозможность второго предложения объясняется тем, что не соблюдается единство воспринимающего субъекта. [КГ 2004: 255]. Деепричастие требует единой точки зрения на событие – единого модуса, к чему причастие оказывается не чувствительным.

Само понятие модуса было применено к деепричастию гораздо раньше - в статье Т.В. Шмелевой 1984 года «Деепричастие на службе у модуса». Она исследует деепричастные формы речевых глаголов, которые относятся к сфере вводности и которые как раз выражают модус и поэтому не включаются в таксисную последовательность действий. Примеры таких деепричастий: *короче говоря, рассуждая здраво, перефразируя Толстого* и др. Особенность этих вводных деепричастных словосочетаний в том, что они не ограничены правилом односубъектности. Но при этом они не считаются ошибочными и воспринимаются носителями языка как нормативные:

Короче говоря, визу ему так и не дали.

Не вдаваясь в подробности, нефинитные глагольные формы в ненецком языке обладают гораздо большими возможностями, чем в русском.

Ср. пример из записей современной устной речи:

*И вот/ **обсуждая** эту ситуацию/ каждая перемена какого-то ударения/ давала новую смысловую трактовку/ выделения // (из УНР)*

Данные вводные словосочетания, по словам Т.В. Шмелевой, являются средством экспликации речевой тактики говорящего и, следовательно, принадлежат всегда ему или в некоторых случаях обобщенному субъекту, в который включается и сам говорящий.

Но если в тексте автор стремится быть предельно объективным и не предъявляет своего я, то конструкции типа *короче говоря* читаются в связи с точкой зрения героя (говорит сам герой). Так, в «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина *говоря в пословицу*, синонимичное *говоря словами пословицы*, принадлежит не рассказчику, а Князю Роману:

Но [Роман] через несколько времени вымышлял клевету, обвинял сих легковверных во мнимом злоумышлении, казнил и присвоивал себе их достояние, говоря в пословицу: «Чтобы спокойно есть медовый сот, надобно задавить пчел» [Карамзин, т.3, гл.3]

Ср. Он, говоря словами пословицы, попал как кур в ощиц.

Для объяснения вводных конструкций, описанных Т.В. Шмелевой, можно применить понятие модусной рамки [КГ 2004]. Деепричастие должно работать при предикате с тем же субъектом, и чтобы привести эти деепричастия к каноническому правилу, в этих предложениях можно восстановить имплицитную модусную рамку:

Говоря словами пословицы, я могу сказать/можно сказать/скажем/надо сказать, что он попал как кур в ощиц.

Не вдаваясь в подробности, я могу сказать/можно сказать/скажем/надо сказать/можно быть уверенным, что категории времени и вида находятся в тесном взаимодействии.

Однако на этих примерах видно, что значение глаголов в модусной рамке то же самое, что у глаголов, оформленных деепричастием. То есть модусная рамка имеет то же содержание, что и вводная конструкция с деепричастным оборотом – это лучше всего доказывает избыточность какого-либо личного глагола в соседстве с деепричастием от речевых глаголов и оправданность таких деепричастных конструкций в речи.

В неспонтанной письменной речи можно встретить при таких вводных конструкциях вербализованные модусные рамки, т.к. авторы следят за правильностью своей речи. Это такие конструкции, как:

Парефразируя классика, можно сказать...

Не вдаваясь в подробности, замечу только, что...

Подобная ситуация с вербализацией или невербализацией модусной рамки при вводных деепричастных конструкциях типична и для текстов XVIII – XIX веков. В художественных, публицистических и научных текстах того времени можно найти оба случая:

Того ради, обще заключаая, сии стихи не долженствуют падать стопами, для того что не долженствуют в себе иметь пресечения; всему ж сему причиною есть краткость сих стихов, и наикратчайший дух человеческий не весь исполняющая. [Тредьяковский, Новый и краткий способ к сложению стихов]

Сие невеликое дело в. и. в. принести в дар весьма бы я усумнелся, если бы оно, не считая моего посильного и к отечеству усердного труда, само своею надобностию не подало к тому смелости. [М. В. Ломоносов. Российская грамматика (1755)]

Кстати, говоря о сосланных, за Нижним начинают встречаться сосланные поляки, с Казани число их быстро вырастает. [А.И. Герцен. Былое и думы]

Но деепричастие от глагола речи может, в свою очередь, соединяться с другим речевым глаголом, то есть мы имеем тот случай, когда модусная рамка вербализована:

Наше общество — самое неоригинальное общество в мире. Перефразируя знаменитую фразу Агамемнона, можно воскликнуть: — У нас есть люди умные, есть люди глупые, но оригинальных людей у нас нет! [В. М. Дорошевич. Русский язык (1900-1910)]

Подводя итог результатам наших исследований, мы считаем себя вправе утверждать следующее. [А. Я. Данилевский. О природе анизотропных веществ поперечнополосатой мышцы и их пространственном распределении в мышечном пучке (1881)]

4.2. В отличие от деепричастных форм речевых глаголов, которые осмысливаются как нормативные и относятся к сфере вводных, деепричастия от других ментальных глаголов, порождают многочисленные аномальные конструкции. Просматривая эти примеры в учебниках по практической стилистике, в справочниках по литературному редактированию, в научных грамматиках, обсуждающих проблему деепричастной нормы, в соответствующих заданиях ЕГЭ, можно увидеть одну закономерность: большинство ошибок связано с Я говорящего – это значит, что в предложениях или выражено 1-е лицо, или оно каким-либо образом прочитывается.

1. *В настоящее время, читая стихи современных поэтов, в каждом из них есть свой лирический герой [из ЕГЭ].*

2. *Читая стихотворение Пушкина, меня поражает их глубина [из школьных сочинений].*

3. *Есть еще люди, произнося имя которых, на душе становится светло, - Татьяна Шмыга! [программа «Женский взгляд», НТВ]*

Можно было бы предположить, что ошибки порождаются в спонтанной речи или от незнания правила, но можно предложить и другое объяснение: при порождении речи сам говорящий не чувствует ошибочности своей конструкции, потому что все элементы, которых не хватает в высказывании, он держит в голове, и использует в итоге самую простую конструкцию для выражения своих мыслей. Аномалия чувствуется только на уровне восприятия фразы, когда слушающий, ожидающий стандартного построения фразы, вынужден прикладывать дополнительные умственные усилия для ее «расшифровки».

Рассмотрим первый пример:

В настоящее время, читая стихи современных поэтов, в каждом из них есть свой лирический герой. [из ЕГЭ]

Если мы уберем деепричастный оборот (с соответствующими преобразованиями), то получим объективно представленный факт:

В настоящее время в стихах современных поэтов есть свой лирический герой.

Деепричастная конструкция предьявляет то, как этот факт был получен говорящим, говорящий делится своими рассуждениями с адресатом и для него очевидно, что дальше должно быть, например:

...читая стихи современных поэтов, я понял/я увидел/становится понятно/можно увидеть и пр.

Но для говорящего это избыточная информация, а для слушающего – необходимая.

Тот же механизм необходимой информации и пропущенной модусной рамки представлен в третьем примере:

*Есть еще люди, **произнося** имя которых, чувствуешь, что/испытываешь чувство, будто... на душе становится светло, - Татьяна Шмыга!*

В примере же номер 2 модусная рамка не пропущена, модус, наоборот, уже встроен в семантику глагола *поражать*. Говорящему не важно в каком падеже будет стоять местоимение «я», он использует односубъектную конструкцию, в которой обе части – Я говорящего. См. еще примеры из книги О.В. Кукушкиной [Кукушкиной 1998]¹⁶:

*И наша скорбь еще больше, **узнав**, что они гибнут.*

***Изучая** образ женщины, становится понятно...*

*Потом, **читая** дневники самого героя, следует полное проникновение в его душу.*

*Впервые **встретившись** с героем, он оказывает хорошее впечатление.*

***Читая** строку за строкой, перед нашими глазами стает вся Россия.¹⁷*

¹⁶ Эти примеры собраны из разных разделов работы, т.к. деепричастие не является основным предметом исследования О.В. Кукушкиной.

¹⁷ Ср. также подобные примеры первой трети XIX века:

Читая Шекспира и Библию, святой дух иногда мне по сердцу [А.С. Пушкин, письма, 1924]

Но, видя его в усадьбе, в моем восприятии А.Б. встает как человек...

Деепричастный оборот может быть связан с субъектом основной части или не связан, однако все приведенные деепричастные обороты имеют в качестве субъекта – говорящего, то есть субъект модуса. И поэтому они не являются для говорящего разносубъектными.

4.3. Подобные формально разносубъектные конструкции существовали и раньше: как до правила, введенного М.В. Ломоносовым, так и после него.

В данном разделе будут рассмотрены те случаи нарушений правила употребления деепричастий, которые связаны с присутствием Я говорящего. Субъект модуса в собранных примерах (XVIII-XIX в.) представлен двумя типами: как субъект восприятия и как субъект мысли и речи. Поэтому разделим все найденные примеры на 2 большие группы – с деепричастием, относящимся к субъекту мысли и речи, и с деепричастием, относящимся к субъекту восприятия. Данное разграничение основывается не только на особенностях структуры конструкции, но и на семантике входящих в нее предикатов. Кроме того, это разграничение обусловлено текстовой прикрепленностью – тем, что они функционируют в текстах определенных жанров.

4.4.1. Ситуация, когда субъект сознания включен в высказывание и это порождает ошибку, на современных примерах уже была описана. Проанализируем подобные примеры из текстов XVIII – XIX веков:

*Гишпанию, галлические и италянские народы и близлежащие острова **описав**, следует нам остальные части Европы показать. [В. Н. Татищев. История Российская. Гл. 13-18 (1739-1750)]*

***Взглянув** в эти глаза, каждому казалось, что он узнал ее всю и, узнав, не мог не полюбить. [Л.Н. Толстой, Анна Каренина]*

Перечитывая «Наложницу», меня всегда поражает легкость и верность ее слога.
[Боратынский, переписка, 1931]

Не уважая искренности их, негодуя на притворство, черт ли мне в их мнении? [А.С. Грибоедов. Письмо П.А. Катенину, 1825]

Заняв место этого старца, у меня что-то лежало на совести, особенно, когда он жаловался. [К.Ф. Рылеев, письмо В.И. Штейнгель, 1825]

Слушая знакомые стихи, мороз по коже пробегает у меня [И.И. Пущин. Записки о Пушкине]

Деепричастие совпадает по субъекту с основным предикатом, но только на семантическом уровне, то есть формально деепричастие не относится к именительному падежу подлежащего. Субъектом в высказывании оказывается именно говорящий. (Я говорящего или обобщенное Мы, в которое включен и говорящий).

Субъект модуса может быть выражен или не выражен: ниже, в первом примере субъект в основной части представлен косвенным падежом, во втором и третьем примерах субъект не выражен.

1. Перечитывая «Наложницу», меня всегда поражает легкость и верность ее слога. [Е.А. Боратынский, переписка, 1931]

2. ...Дверь в столовую хрипела басом; но та, которая была в сенях, издавала какой-то странный дребезжащий и вместе стонущий звук, так что, вслушиваясь в него, очень ясно наконец слышалось: «Батюшки, я зябну!» [Н.В. Гоголь. Старосветские помещики]

3. Подходя к ним, кажется, что идешь в Нептуново царство. [Д. И. Фонвизин. К родным (1784-1785)]

В предложении может быть выражено подлежащее в именительном падеже, который метонимически представляет того же субъекта, что и в деепричастном обороте. Я говорящего представлено через какую-либо часть тела, чувство или качество, присущее ему или испытываемое им и пр.:

Проезжая на возвратном пути в первый раз весною знакомую рошу, у меня голова закружилась и забилося сердце от смутного сладкого ожидания. [И.С. Тургенев. Гамлет Щигровского уезда]

Заняв место этого старца, у меня что-то лежало на совести, особенно, когда он жаловался. [К.Ф. Рылеев, письмо В.И. Штейнгель, 1825]

Читая эти рассказы, у нас не однажды появлялось желание, чтобы то знание страны, каким владеет автор, не осталось в границах беллетристики.

Но наравне с этим встречаются случаи, когда в основной части присутствует только одна номинация субъекта, например, метонимическая:

*Голова моя **приехав** на почтовый стан, была хуже болвана. [А. Н. Радищев. Путешествие из Петербурга в Москву]*

***Поселившись** теперь в деревне, его мечта и идеал были в том, чтобы воскресить ту форму жизни, которая была не при отце..., но при деде. [Л.Н. Толстой. Дьявол]*

***Сравнивая** московское общество перед 1812 г. с тем, которое я оставил в 1847 году, сердце бьется от радости. [А.И. Герцен. Былое и думы]*

При этом выражается и мысль говорящего, и его ощущение.

Появление именительного падежа может быть связано с другой ситуацией: чувство, которое испытывает субъект говорящий, чем-то каузировано, и в именительном падеже стоит каузатор. То есть говорящий строит такую конструкцию, в которой более высокий коммуникативный ранг он дает не себе, а тому, что вызвало перемены в его состоянии:

***Слышав** долгое время единоголосное в стихах окончание, безрифмие покажется грубо, негладко и нестройно. [А. Н. Радищев. Путешествие из Петербурга в Москву].*

***Читая** Шекспира и Библию, святой дух иногда мне по сердцу. [А.С. Пушкин. Письмо Ю.П. Вяземскому, 1824]*

***Перечитывая** «Наложницу», меня всегда поражает легкость и верность ее слога. [Боратынский, переписка, 1931]*

Таким образом, субъект сознания един для обеих частей конструкции, он может иметь разные формы выражения, однако главным являются предикаты, вводящие ментальный модус, - это глаголы речи и мысли,

ощущения. Для их обозначения удобно использовать термин, введенный Е.В. Падучевой в 1996 году, - слова-эгоцентрики.

Е.В. Падучева сначала в статье 1991 года, а позже в книге 1996 года соединяет проблему модусных средств с понятием эгоцентризма и делит модусные средства на – показатели точки зрения в плане пространственно-временной отнесенности (пространственный и временной дейксис по Ю.Д. Апресяну [Апресян 1986]), в плане субъекта сознания и в плане субъекта речи. Предметом особого внимания Е.В. Падучевой является фигура наблюдателя [Падучева 1996; 2004].

При невыраженном субъекте эгоцентрики прочитываются через Я говорящего. Для этого возьмем последний пример:

***Перечитывая** «Наложницу», меня всегда поражает легкость и верность ее слога. [Боратынский, переписка, 1931]*

Если не использовать местоимение 1-го лица это предложение читается все равно через Я:

***Перечитывая** «Наложницу», \emptyset всегда поражает легкость и верность ее слога.*

Поэтому сигналом к появлению субъекта модуса оказывается не 1-е лицо и не введение соответствующего местоимения, а использование ментальных предикатов и эгоцентрических слов. Рассмотрим следующий пример:

*Того ради за благо рассудилось, много прежде **положив** труда к изобретению прямых наших стихов, сей новый и краткий способ к сложению российских стихов издать, которые и число слогов свойственное языку нашему иметь будут, и меру стоп ... [Тредьяковский, Новый и краткий способ к сложению стихов]*

В предложении напрямую не называется человек, который печатает сочинение, однако субъект действия вычитывается из двух факторов: а) из названия статьи, б) из эгоцентрика: *за благо рассудилось* кому-то - девербатива с синтаксическим нулем субъекта - *труд* был чей-то. Ср.

современный глагол *подумалось*, который без дат. Падежа субъекта всегда читается в связи с внутренней точкой зрения субъекта сознания.

Рассмотрим еще пример:

Отъехав с полверсты, мне стало холодно ногам. [Л.Н. Толстой. Крейцеров соната]

В нем субъект чувствующий перемещается в пространстве, его ощущения в нем самом, в отличие от примеров, которые будут рассмотрены в разделе 4.5.

Стоит особо отметить тот факт, что рассмотренные конструкции с субъектом речи и мысли не ограничиваются только сферой 1-го лица. Русская литература XIX века известна своей психологической направленностью и очень часто автор описывает своего героя не «снаружи» (объективированно), а «изнутри», поэтому частотны примеры, в которых субъект сознания стоит в 3-м лице, но это 3-е семантически равно 1-му лицу (речь идет не о морфологическом, а о синтаксическом лице, которое выражается аналитически):

Перебирая в мыслях всех своих знакомых и приятелей, Чарову пришло наконец на мысль, что все они ему должны. [Вельтм. Саломея]

Поселившись теперь в деревне, его мечта и идеал были в том, чтобы воскресить ту форму жизни, которая была не при отце..., но при деде. [Л.Н. Толстой. Дьявол]

Проведя несколько часов сряду в душной избе, ему захотелось наконец поосвежиться [А.Н.Загоскин. Юрий Милославский]

Не говоря о том, что на него весело действовал вид этих счастливых, довольных собою и всеми голубков, их благоустроенного гнезда, ему хотелось теперь, чувствуя себя столь недовольным своею жизнью, добраться в Свяжском до того секрета, который давал ему такую ясность, определенность и веселость в жизни. [Л.Н. Толстой, Анна Каренина]

Читатель попадает во внутреннюю сферу героя - в сферу сознания. Это становится возможно благодаря появлению в тексте слов-эгоцентриков (*пришло на мысль=подумалось, захотелось, хотелось* и пр.) или имен с субъектной валентностью (*мысль, мечта, идеал – чьи*). Деепричастие в этом случае тоже безошибочно относится к субъекту сознания, но уже выраженному 3-м лицом; см. еще пример из прозы Л.Толстого:

Оставшись наедине с своими мыслями, первым чувством Володи было отвращение к тому беспорядочному, безотрадному состоянию, в котором находилась душа его. Ему захотелось заснуть и забыть все окружающее, а главное — самого себя. [Толстой, Севастопольские рассказы]. Деепричастный оборот соединяется с бытийным предложением, в котором подлежащим является отглагольное существительное, выражающее внутреннее состояние героя (Володи). Это означает, что, несмотря на синтаксическое 3-е лицо, ситуация осмысливается с внутренней точки зрения, то есть деепричастие и основной предикат относятся к субъекту модуса, субъекту сознания.

Добежав уже до внешнего рва, все смешались в глазах Козельцова, и он почувствовал боль в груди и, сев на банкет, с огромным наслаждением увидел в амбразуру, как толпы синих мундиров в беспорядке бежали к своим траншеям и как по всему полю лежали убитые и ползали раненые в красных штанах и синих мундирах. [Л.Н. Толстой. Севастопольские рассказы]

Подчеркнутые слова обнаруживают внутреннюю точку зрения героя. Это означает, что весь фрагмент связан с одним субъектом модуса, то есть в плане модуса все предикативные части совпадают по субъекту.

4.4.2. Другой тип ошибок, встречающихся в текстах XVIII – XIX веков, соотносится с уже описанным современным примером, в котором пропущена модусная рамка, необходимая для понимания конструкции (*В настоящее время, читая стихи современных поэтов, (можно увидеть, что...) в каждом из них есть свой лирический герой.*).

Подобные предложения распространены в XVIII-XIX веках:

Собрание наше состоит только из десяти; а сложив вместе время нашей жизни, составит не более тридцати лет. [Н. И. Новиков. [«О высоком человеческом достоинии»] (1777)]

Сравнивая Китай с Францією, в последней находятся вчетверо более судебных мест и служителей, нежели в первом. [Д. И. Фонвизин. Примечания на «Та-Гио» (1779)]

Взяв все в расчет, слуга обходился рублей в 300 асс. [пример XIX века, найденный А.А. Шахматовым]¹⁸

Все сии Владетели, о множестве других не упоминая коих ласкательство великими называет, получили сие название для того что изступили из числа, людей обыкновенных услугами к Отечеству, хотя великия имели пороки. [Радищев, Письмо к другу, жительствующему в Тобольске, по долгу звания своего]

Умствуя таким образом, подлинно составитя прекрасный и богатый язык Российский [А.С. Шишков. Рассуждения о старом и новом слоге... 1818]

Формально такие конструкции можно отнести к абсолютивным, т.к. две части предложения обладают своими субъектами, которые не могут быть объединены. Зависимая часть организуется деепричастием от ментального глагола, в качестве субъекта в ней выступает Я говорящего или обобщенный субъект, структура же основной части может быть любой, и семантика предиката в ней тоже ничем не ограничена.

Этот тип конструкции можно объединить с предыдущим по типу модусного субъекта – это субъект мысли и речи. Приведенные конструкции

¹⁸ За пределами работы остались деепричастные производные предлоги, которые выражают количественно-ограничительные значения (включая/исключая, считая/не считая), которые могли взаимодействовать не с тем падежом, с которым они употребляются в современном русском языке: *Над блиндажом слышались беспрестанные выстрелы, но не слишком громко, исключая одной пушки, стоявшей рядом и потрясавшей блиндаж так сильно, что с потолка земля сыпалась [Толстой, Севастопольские рассказы].*

очень близки к тем, которые рассматривала Т.В. Шмелева и которые квалифицировались как вводные. В данных примерах деепричастие тоже служит модусу, и оно эксплицирует ментальные действия говорящего. Однако эти конструкции не относятся к вводным. Возможно, они порождаются по той же модели, но нормативные грамматики их квалифицируют как ошибку.

Для адекватного объяснения приведенных примеров можно восстанавливать внутри модусную рамку, которая является «мостиком» между двумя частями:

Излагая по порядку, (можно/надо сказать, что) остаются еще страны к востоку от Рена реки даже до Танаиса (Дона) и Меотийского,....
[В. Н. Татищев. История Российская. Гл. 13-18 (1739-1750)]

Можно провести параллель с механизмом эллипсиса в рамках сложноподчиненного предложения, который В.З. Санников рассматривал в связи с примером:

Пока ты не спишь, куда ты положила словарь?

В.З. Санников восстанавливает здесь речевой глагол: *Пока ты не спишь, ответь...* [Санников 2008: 53-70].

Со многими аномальными примерами на деепричастие происходит то же самое, то есть если вставить речевую рамку, то сеть восстановить эллипсис, то конструкция соберется.

Возможным объяснением частого пропуска модусной рамки является тот факт, что нормальное существование модуса – в нуле. Он присутствует всегда, но имплицитно. А его экспликация – это явление вторичное. Ср.:

Проехала машина.

Я видел/Я считаю/Мне кажется, что проехала машина.

Первое предложение (простое) является констатацией факта, а второе - ментальной обработкой уже имеющейся информации. Этим можно объяснить многочисленные ошибки на деепричастия от ментальных глаголов: модусная рамка относящая тоже к субъекту сознания тяготеет к

тому, чтобы находиться в нуле, и деепричастие «повисает в воздухе», т.к. оно не соотносится с субъектом в основной части.

4.5. Другой тип конструкций, характерный для текстов XVIII-XIX вв. связан с субъектом восприятия, который перемещается в пространстве. Формально они представляют собой соединение двух диктальных единиц. В форме деепричастия стоит глагол перемещения, а основная часть предложения обычно является бытийным предложением или предложением со стативным предикатом. Деепричастие не соотносится с подлежащим в основной части.

Проехав немного, справа монастырь навис под горою и прилеплен к горе [А.С. Грибоедов, Путевые записки.]

Двор на Адмиралтейской стороне за речкою Мойкою, **идуци** от главной Полицмейстерской канцелярии к Мошкову переулку, желающим купить... [объявление 1763]

Вышед из городских ворот, есть гульбище называемое *La place Reuon* [Д.И. Фонвизин. Письмо родным (1777)]

Купол собора, который ни с какой точки не обрисовывался лучше, как **смотря** на него отсюда, с моста, не **доходя** шагов двадцать до часовни, так и сиял. [Ф.М. Достоевский. Преступление и наказание]

Данный тип высказываний встречается в текстах нескольких жанров. Например, он крайне распространен в объявлениях о найме, продаже недвижимости или продаже каких-либо товаров и услуг:

По Литейной, **пройдя** Лютеранскую церковь, по Васильевской улице отдается в наем дом. [объявление 1801]

Продается под строение хорошего дома место в 40 сажень длины и 30 поперешнику. Против Никольского собора, одним углом **поворотясь** к Никольскому каналу, другим по Театральному проспекту. [объявление 1790]

У Спаса на Сенной, в Гороховой улице, от Рындина кабака к графскому пролому, **недошед** Аринкиного мосту, по правой руке, в

немазаном доме вдовы Анны Никифоровой продаются птицы...[объявление 1763]

В объявлениях деепричастный оборот используется для локализации объекта, для указания места и маршрута, по которому надо добираться до нужного дома. Субъектом действия, оформленного деепричастием, оказывается любой человек, ищущий это место, то есть обобщенный субъект, в который включается и говорящий. Особенность таких конструкций в том, что деепричастие соотносится с субъектом, который перемещается, но не прямо, а опосредованно, поэтому оборот читается фактически абсолютно. И т.к. нет другого действия, с которым могло бы сочетаться данное, выраженное деепричастием, то деепричастие теряет динамику и сближается по функциям с предлогом – например, рядом, около, вблизи.

Подобные деепричастные конструкции оказываются удобны для жанра объявлений, т.к. очень емко выражают то содержание, которое возможно было бы выразить только в трех предикативных единицах. Преобразуем предложение:

У Спаса на Сенной, в Гороховой улице, если идти от Рындина кабака к графскому пролomu и не дойти до Аринкиного моста, то по правой руке будет дом вдовы Анны, где продаются птицы.

В отличие от данного предложения, в исходном примере нет такого количества предикатов. Вместо предикатов используются предлоги, они выполняют роль направляющих стрелок.

Еще одним жанром, в котором используются деепричастия от глаголов перемещения безотносительно к именительному падежу подлежащего, являются путевые заметки.

Переехавши Иртыш, на самом берегу реки, на высоте расположен город Каинск [М.И. Пущин. Из дневников. 1826]

*До распутия **проехав** полем сим (поминовение о коем при первом въезде моем исторгло сие стихотворческое изображение), начинается межа нашего владения, и дорога спускается по пригорку я, **подъехав** к спуску*

довольно крутому едва по мелкому камню текущей речки, по левую сторону виден пространной яблонной сад, плетнем огороженной; за ним высокая роща, несколько хижин, покрытых соломой, между коими видны остатки каменного дома, которой даже вразвалинах своих ничего готического не представляет. [А. Н. Радищев. Описание моего владения (1800-1801)]

***Вышед** из городских ворот, есть гульбище называемое La place Peyron [Д.И. Фонвизин. Письмо родным (1777)]*

Цель автора путевых заметок – связать место и впечатление о месте. Эта связь устанавливается через субъекта двигающегося и субъекта воспринимающего – обе роли принадлежат одному человеку. В подобных предложениях появляется фигура наблюдателя (Наблюдатель как одна из семантических ролей введен в научный обиход в 1986 году Ю.Д.Апресьяном). Наблюдатель двигается и видит, а мы видим мир его глазами, это можно доказать, если между деепричастием и основной частью вставить модусную рамку:

***Вышед** из городских ворот, я вижу/можно увидеть/каждый может увидеть (,что есть) гульбище называемое La place Peyron [Д.И. Фонвизин. Письмо родным (1777)]*

Перцептивный модус может быть соединен с семантикой бытийного предиката в основной части, при этом естественно, что модусная рамка не восстанавливается; ср. следующие примеры:

***Проехав** наш бывшей окружной городок, открывается довольно пространное поле, которое по временам года то серую единообразную представляет поверхность, то оную же покрытую редкою зеленостию, сквозь поблеклые остатки желтой жатвы проседающей. [А. Н. Радищев. Описание моего владения (1800-1801)]*

***Обогнув** последнюю оконечность мыса, вид к югу Туманного Акзиблюка. [А.С. Грибоедов, Путевые записки.]*

***Выезжая** из леса и поднявшись на высоту – пространный вид. [А.С. Грибоедов, Путевые записки.]*

Переехав же Неман в Ковно, вид природы сделался совершенно праздничным. [М.И. Глинка. Записки]

В основной части есть глагол или отглагольное существительное, маркирующее наблюдателя. Перцептивный модус лексикализован, при этом действует не внешнесинтаксический (рамочный), а внутрисинтаксический механизм.

И.И. Ковтунова констатирует, что в первой трети XIX века подобные конструкции уходят. Это значит, что деепричастие начинает употребляться с ментальными предикатами и субъектом перцепции в именительном падеже, как в примере:

Подъезжая к деревне какого-нибудь помещика, я любопытно смотрел на высокую узкую деревянную колокольню... [Н.В. Гоголь. Мертвые души. Т.1]

Однако можно утверждать, что современные употребления *не доходя*, *не доезжая чего-л.*, которые квалифицируются словарями и грамматиками как производные предлоги, являются прямыми наследниками приведенных деепричастий:

Там, не доезжая три остановки, у вас ведь дом отдыха, меня раз туда Мария Саввишна возила, кто-то приезжал, так надо было залу убрать, посуду помыть... [Ю. О. Домбровский. Факультет ненужных вещей, часть 5 (1978)]

В самом центре, через площадь от райкома КПСС, не доходя до колхозного рынка, были даже остатки какого-то строения, которое называли кто Кремлем, кто пассажем. [Владимир Войнович. Монументальная пропаганда // «Знамя», 2000]

Это, если с Павелецкого не доезжая Каширы, есть такой Ступинский район. [Сергей Эйгенсон. Сельхозработы (2003) // «Лебедь» (Бостон), 2003.06.16]

Выводы к главе

Проведенное исследование позволяет увидеть особую значимость категории субъекта для такой глагольной формы, как деепричастие. Несмотря на то, что современное деепричастие запрещает включение в оборот именительного падежа подлежащего, деепричастие предъявляет определенные требования к субъекту, выраженному в основной части высказывания.

Мы рассмотрели аномальные примеры XVIII-XIX веков, которые показывают, что большинство ошибок на правило употребления деепричастий связано с субъектом речи, т.е. с субъектом модуса. Кроме немногочисленных ошибок, в которых нет модусных элементов, все найденные примеры делятся по типу субъекта на те, в которых представлен ментальный модус, и на те, в которых основную роль играет перцептивный модус.

Модус оказывается причиной нарушения деепричастной нормы, т.к., с одной стороны, он обычно бывает не выражен и находится в нуле, поэтому теряется важное предикативное звено, которое необходимо адресату для правильного восприятия предложения, а с другой стороны, в высказываниях о себе и своих ощущениях говорящий затрагивает ту сферу, в которой все элементы являются для него неотторжимыми, он мыслит их как часть себя – части тела, чувства, мысли. И для описания наиболее близкой ему сферы он выбирает удобные ему конструкции, в которых местоимение Я представлено косвенным падежом или выражено метонимически. Так, с фразой *мороз пробежал по коже* говорящий может легко соединить деепричастный оборот *увидев это*, т.к. обе эти части соотносятся с одним субъектом – Я. Но правило употребления деепричастий нарушается, поскольку оно контролирует формальный уровень, говорящий же сочетает две части на уровне семантики.

Два типа ошибок в текста XVIII-XIX веков, связанные с двумя типами модуса, имеют в дальнейшем разную историю. Перцептивный модус, выраженный глаголами перемещения в пространстве, в XX веке уже не дает

ошибок. Единственное, что остается от него, - это производные предлоги *не доходя, не доезжая*. Примеров же на конструкции типа: *Выезжая из леса и поднявшись на высоту – пространный вид*. [А.С. Грибоедов, *Путевые записки*.] – в современном русском языке встречено не было. Однако ментальный модус продолжает порождать ошибки в не меньших количествах, чем XVIII-XIX веках (см. примеры в п. 4.2). Такие ошибки до сих пор остаются самыми распространенными (по данным [Русский язык конца XX столетия 1996]).

Глава 4.

Текстовые особенности деепричастий.

В предыдущих главах мы рассмотрели связь деепричастий с категориями времени и субъекта. Из рассмотренного материала видно, что многое зависит не только от синтаксической структуры и не только от морфологической и лексической семантики, но и от текста.

Деепричастия, будучи средством организации зависимой предикативной единицы, являются одним из средств связности текста, поэтому ряд особенностей употребления деепричастий стоит рассматривать в связи с линейным разворачиванием текста.

Употребление деепричастий обусловлено структурой образа автора, то есть степенью активности говорящего, его субъективизмом. Исследованные тексты позволяют сделать предположение, что в текстах разных стилей, разной тематики, разных жанров деепричастие выполняло особые текстовые функции, которые и будут предметом рассмотрения в настоящей главе. Ниже мы рассмотрим несколько разновидностей текстов конца XVIII – XIX веков – художественную и нехудожественную прозу, поэзию, повествования об исторических событиях, а также объявления в газетах и журналах XVIII-XIX вв.

Описанные ниже тексты не представляют исчерпывающей картины всех жанров, т.к. для рассмотрения были выбраны только особые показательные случаи с точки зрения употребления деепричастий. Примеры из многих приведенных текстов уже были разобраны в связи с проблемой аномальности в главах, касающихся категорий времени и субъекта, целью настоящей главы является показать текстовую обусловленность семантики деепричастий.

§1. Деепричастие в историческом дискурсе

Нехудожественная повествовательная проза – это сфера, где употребление деепричастий частотно и наиболее органично, т.к. форма деепричастия предназначена для описания событий, разворачивающихся последовательно друг за другом.

Тексты исторических хроник представляют собой третьеличный нарратив: на происходящие события пишущий смотрит с временной дистанции, объективно и отстраненно, а сам он находится вне текста, в отличие от художественного текста, часто впускающего автора во внутреннее художественное пространство и время. Н.М. Карамзин в предисловии к своей «Истории государства Российского» писал: «Есть три рода истории: первая современная, например, Фукидидова, где очевидный свидетель говорит о происшествиях; вторая, как Тацитова, основывается на свежих словесных преданиях в близкое к описываемым событиям время; третья извлекается только из памятников, как наша история до самого XVIII века. В первой и второй блистает ум, воображение дееписателя... Третий род есть самый ограниченный для таланта: нельзя прибавить ни одной черты к известному». Третий род истории по Н.М. Карамзину и есть классический третьеличный нарратив.

В историческом нарративе реальное время уплотняется: рассказчик не будет уточнять, сколько дней и с какими трудами князь шел от одного города к другому, а скажет: Выйдя из Киева, пришел во Владимир. В таких текстах деепричастие служит средством временного сцепления событий.

Историческое время оказывается осью, заполненной фактами, которые связаны друг с другом. История рассказывает о делах отдельных известных личностей, и сюжеты формирует вокруг отдельной личности, поэтому деепричастие как образующее односубъектные конструкции оказывается востребованным историками. Деепричастие совершенного вида обозначает предшествующее действие, связанное, например, с тем местом, откуда князь уходит:

*и сей Князь, **оставив** там сына своего, уже находился в Ростове*

***Оставив** зятя в Галиче, Мстислав удалился к пределам Киевским.*

*но Всеволод, удостоверенный тогда в неприятельских замыслах Галицкого Князя, выступал в поход с дружинами Киевскою, Черниговскою, Переяславскою, Смоленскою, Туровскою, Владимирскою и с союзными дикими Половцами, **оставив** Святослава Ольговича в столице*

***Оставив** Владимира в столице, сына своего в Переяславле, а Ростислава Георгиевича послал в Бужск, чтобы охранять тамошние границы и спокойно ждать конца войны, Великий Князь отправился в Смоленск к брату,*

*Великий Князь, **оставив** в Белегороде Владимира Мстиславича для удержания Галичан, вошел в столицу, славимый, ласкаемый народом, как отец детьми.*

Семантически деепричастия в историческом тексте можно разделить на два типа – (1) от акциональных глаголов со значением действия (т.к. главный объект описания – это поступки исторических персонажей) и (2) от ментальных глаголов (т.к. кроме простого предъявления событий, авторы исторических трудов пытаются понять и отразить внутреннюю логику событий и мотивацию поступков людей). Акциональное значение выражается деепричастиями совершенного вида, ментальное представлено, как правило, деепричастиями несовершенного вида (или стативным, перфектным значением совершенного вида):

*(1) Сначала жители Запорожья состояли из одних только мужчин, так как война была главною целью переселения за пороги; притом же значительная часть людей, прибывавших туда, не имела намерения оставаться там навсегда; **побывавши** на Запорожье, **повоевавши** с татарами в степи или **совершивши** какой-нибудь морской поход, они возвращались на родину.[Н.И. Костомаров. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Гл.5]*

(2) Но Олег, **наскучив** тишиною, опасною для воинственной Державы, или **завидуя** богатству Царяграда и **желая** доказать, что казна робких принадлежит смелому, решился воевать с Империею. [Н.М.Карамзин. История государства Российского. Т.1, гл.6.]

Конструкции второго типа частотны, например, в «Истории» Н.М. Карамзина: Н.М. Карамзин дает мотивировки поступков, используя при этом деепричастия от ментальных глаголов несовершенного вида, например, от глаголов *бояться* и *желать*. Вот несколько примеров из второго и третьего томов «Истории» Карамзина:

(1) ...**боясь** распутья, он решился оставить часть обоза и стан в добычу неприятелю, впрочем, не хотевшему за ним гнаться; сжег Дмитров, место Всеволодова рождения, и прибыл весновать в Новгород, где жители встретили его как победителя, называя именем Великого.

(2) Он собрал Князей под Каневом, но распустил их, когда Половцы, **боясь** сего ополчения, удалились от границ России.

(3) Еще не миновались опасности для Владимира: худо **веря** бескорыстию Поляков, **боясь** Венгров, Романа Волынского и собственного народа, он прибегнул к дяде, Великому Князю, **не хотев** дотолѣ искать в нем милости; смиренно винился, обещал исправиться

(4) Мстислав Смоленский, в угождение Рюрику вступил с ними в тесную связь, и хотя, **боясь** утратить приязнь Великого Князя, посылал к нему Епископа Смоленского, Игнатия, с дружескими уверениями, но не хотел отстать от Князей Черниговских.

(5) и Мстислав, **боясь** участи Берладникова сына, удалился.

(6) Роман Святославич, Князь Тмутороканский, **желая** отмстить за Олега и Бориса, немедленно начал войну междоусобную, которая стоила ему жизни.

(7) властолюбием своих племянников, которые, **желая** господствовать, не давали ему покоя и беспрестанно требовали Уделов

(8) *Роман Святославич, Князь Тмутороканский, желая отмстить за Олега и Бориса, немедленно начал войну междоусобную, которая стоила ему жизни.*

Историк может высказывать предположение, тогда в деепричастном обороте появляется союз *как бы*:

Димитрий, как бы предчувствуя бедствие, неохотно поехал в сей Удел, некогда знаменитый и столь любезный для его деда.

В приведенных примерах соединяется действия исторического лица и его мысли. Но это не внутренняя речь героя, а мнение историка, который пытается найти мотивы поступков исторических деятелей.

Особо стоит отметить использование в исторических текстах глаголов речи. Если в художественных текстах или нехудожественных рассуждениях широко распространены вводные конструкции с деепричастиями от глагола *говорить*, которые относятся и к героям, и к рассказчику (повествователю), то в третьеличном нарративе все деепричастия относятся к героям:

Но [Роман] через несколько времени вымышлял клевету, обвинял сих легковверных во мнимом злоумышлении, казнил и присвоивал себе их достояние, говоря в пословицу: «Чтобы спокойно есть медовый сот, надобно задавить пчел» [Н.М. Карамзин. История государства Российского, т.3, гл.3]

У всех историков XVIII-XIX веков можно встретить описанные черты, т.к. каждый исторический текст повествует о линейно разворачивающихся событиях. Однако исторические тексты XVIII-XIX веков имеют и существенные различия между собой. Так, в «Истории Российской» В.Н. Татищева, в отличие от последующих историков, автор много цитирует. Если Н.М. Карамзин, Н.И. Костомаров, С.М. Соловьев и В.О. Ключевский могут сказать: «как говорят летописцы», «известно по летописи», «Нестор сообщает» и др., то В.Н. Татищев ссылается не только на русские летописные источники, но и на древнейшие античные и византийские источники: Геродота, Страбона, Плиния Старшего, Клавдия

Птолемя, Константина Багрянородного. Соответственно очень часто деепричастные обороты характеризуют не действия героев, а действия древних историков, которых В.Н. Татищев сравнивает и оценивает:

*О руссо-славянах Бароний рассказывает, якобы руссы чрез Войцеха и Вонифатия [Бонифация], папистских проповедников, первую проповедь получили, но это не так, ибо он, гуриан за руссов **приняв**, погрешил, о чем часть II, н. 69 показано. Другие иных проповедников римских описывают, гл. 17, н. 28. [В.Н. Татищев. История Российская.ч.1, гл.3]*

*Во-первых, что Назианзин об апостоле Андрее рассказывает, что бы был у саков и сакжюан, так оные, как Геродот, кн. 1, гл. 39, кн. 2, гл. 27, Плиний, кн. VI, гл. 17 и Птоломей, **именуя** их скифами персидскими между Персией и Индией, Страбон, кн. 7, **упоминая** у Дуная близ Иллирии, и Клюверий,⁶ кн. VI, гл. 2, что пишет про саков, прежде аримеи именованных, жили тогда при устье Дуная. Но это ошибка, очевидно переписчик вместо даки написал саки. [В.Н. Татищев. История Российская.ч.1, гл.3]*

Таким образом, в историческом нарративе деепричастия выполняют следующие функции: (1) соединяют факты во времени и тем самым организуют историческое время; (2) соединяют поступки и их мотивировки; (3) вводят чужое слово.

§ 2. Деепричастия в художественном тексте

В сравнении с нехудожественным нарративом художественная повествовательная проза имеет свои особенности. В таких текстах особую роль приобретает структура образа автора. Текст становится многослойным.

Деепричастие может употребляться при оформлении чужого слова. В драматургии деепричастия принадлежат слову автора и стоят в ремарках:

*— Я слышал, как они его уняли остаться завтракать с ними. Фатюев (**стукнув** по спине) Черт бы его взял! [И. А. Крылов. Пирог (1799-1801)]*

Вспышкин (передразнивая) Умильными взорами! [И. А. Крылов. Пирог (1799-1801)]

Войницкий (припадая к ее руке). Дорогая моя... Чудная. [А.П.Чехов. Дядя Ваня]

Тузенбах (всплеснув руками и смеясь). Очевидно мы не понимаем друг друга. Ну, как мне убедить вас? (Маша тихо смеется) (показывая ей палец.) Смейтесь! [А.П. Чехов. Три сестры]

В прозаических текстах в постпозитивных словах автора деепричастие соединяется с речевым глаголом. Точно так же, как и в ремарках, деепричастие выражает наблюдаемое действие, но, в отличие от ремарок, употребляется при речевом глаголе, который оформляет каждую следующую реплику в диалоге. См. примеры из «Обыкновенной истории» И.А. Гончарова:

*-Эх, Аграфена Ивановна!.. – повторил он лениво, **вздыхая** и **поднимаясь** со стула и тотчас опять опускаясь. [И.А. Гончаров. Обыкновенная история]*

*-Не пошевелись для тебя, сиди как мертвая! – прошипела по-змеиному Аграфена, **вытирая** чашку обеими руками. [И.А. Гончаров. Обыкновенная история]*

*-Нашел-таки случай! – сказал дядя, **вытирая** щеку. [И.А. Гончаров. Обыкновенная история]*

Такие деепричастия обнаруживают стороннего наблюдателя, повествователя, который не соединяется с внутренней точкой зрения героев. Но есть и другой вариант – проникновение во внутренний мир героя. Например, в психологической прозе Л.Н.Толстого.

Интересно посмотреть на использование деепричастий у Л.Н. Толстого, который считается «всевидящим» автором – он одинаково может описывать сражение с высоты птичьего полета и проникать в сознание любых героев, описывая их чувства и мысли, о которых нельзя было бы узнать, глядя со стороны. Рассмотрим один фрагмент из романа Л. Толстого

«Анна Каренина» - рассказ о свадьбе Левина и Кити. Так как эпизод большой по объему, приведем отдельные отрывки. Начинается он общим видом церкви:

Больше двадцати карет уже были расставлены жандармами вдоль по улице. Полицейский офицер, пренебрегая морозом, стоял у входа, сияя своим мундиром. Беспреданно подъезжали еще экипажи, и то дамы в цветах с поднятыми шлейфами, то мужчины, снимая кепи или черную шляпу, вступали в церковь.

Деепричастия наравне с другими предикатами в этом отрывке создают эффект взгляда со стороны – мы видим улицу перед церковью глазами наблюдателя: особенно явно наблюдатель проявлен в деепричастии *сияя*, т.к. сиять – это глагол, имеющий значение ‘быть видимым ярким’ и не употребляющийся в форме 1-го лица. Даже деепричастие *пренебрегая* в этом контексте воспринимается, как действие, видимое со стороны, то есть глядя на офицера, мы можем сделать вывод, что он пренебрегает морозом.

Далее, когда жених и невеста уже приехали и обряд начался, автор все еще смотрит и слушает происходящее со стороны, и эта перцептивность обнаруживается, в том числе деепричастиями от звуковых глаголов:

Толпа родных и знакомых, жуужжа говором и шуриша шлейфами, подвинулась за ними. Кто-то, нагнувшись, поправил шлейф невесты. В церкви стало так тихо, что слышалось падение капель воска.

Нельзя предположить, что все происходящее оценивает Левин или Кити, т.к. оба они находятся в смешанных чувствах и не могут оценивать окружающую обстановку, тем более, что местоимение *кто-то* и словосочетание *шлейф невесты* (а не *шлейф Кити*, например) означает, что все это видит незнакомый человек. Далее появляются некоторые разрозненные мысли и чувства жениха и один раз невесты:

Вся жизнь ее, все желанья, надежды были сосредоточены на одном этом непонятном еще для нее человеке, с которым связывало ее какое-то еще более непонятное, чем сам человек, то сближающее, то

*отталкивающее чувство, а вместе с тем она продолжала жить в условиях прежней жизни. **Живя** старую жизнь, она **ужасалась** на себя, на свое полное непреодолимое равнодушие ко всему своему прошедшему:...*

Мысли Кити вводятся словами-эгоцентриками: желания, надежды, непонятном, непонятное чувство, а также деепричастным оборотом, содержащим эгоцентрические элементы, и таким же предикатом: *живя старой жизнью, ужасалась на себя*. Так автор проникает в сознание главных героев. Но затем, в следующем фрагменте, автор уже начинает проникать в мысли других людей, находящихся в церкви. Переход во внутреннюю сферу героя автор маркирует деепричастием. См. примеры:

(1) - *С ее светом лица одно спасенье... - отвечала Друбецкая. - Я удивляюсь, зачем они вечером сделали свадьбу. Это купечество...*

- *Красивее. Я тоже венчалась вечером, - отвечала Корсунская и вздохнула, **вспомнив** о том, как мила она была в этот день, как смешно был влюблен ее муж и как теперь все другое.*

(2) ... *Чарская отвечала ему только улыбкой. Она смотрела на Кити, **думая** о том, как и когда она будет стоять с графом Синявинным в положении Кити и как она тогда напечалит ему его теперешнюю шутку.*

(3) *Долли стояла подле них, слышала их, но не отвечала. <...> Она радовалась на Кити и Левина; **возвращаясь** мыслью к своей свадьбе, она взглядывала на сияющего Степана Аркадьича, забывала все настоящее и помнила только свою первую невинную любовь. Она вспоминала не одну себя, но всех женщин, близких и знакомых ей; она вспомнила о них в то единственное торжественное для них время, когда они, так же как Кити, стояли под венцом с любовью, надеждой и страхом в сердце, **отрекаясь** от прошедшего и **вступая** в таинственное будущее.*

В конце эпизода мы снова оказываемся в сознании Левина:

*Левин поцеловал с осторожностью ее улыбающиеся губы, подал ей руку и, **ощущая** новую, странную близость, пошел из церкви.*

И вновь деепричастие соединяет внешние действия героя и его внутренние ощущения.

Деепричастия могут выражать мотивировку действий (см. также в предыдущем параграфе):

*... Не одни сестры, приятельницы и родные следили за всеми подробностями священнодействия; посторонние женщины, зрительницы, с волнением, захватывающим дыхание, следили, **боясь** упустить каждое движение, выражение лица жениха и невесты и с досадой не отвечали и часто не слыхали речей равнодушных мужчин, делавших шуточные или посторонние замечания.*

Деепричастия от речевых иллокутивных глаголов вводят чужое слово, оформляют косвенную речь:

*Сергей Иванович говорил с Дарьей Дмитриевной, шутя **уверяя** ее, что обычай уезжать после свадьбы распространяется потому, что новобрачным всегда бывает несколько совестно.*

В сцене свадьбы автор приводит больше женских внутренних монологов, а не мужских, т.к. для женщин свадьба это священнодействие, это вступление в другую жизнь, им интересно все, что происходит с невестой в этот момент. Кто-то ждет свадьбы и мечтает о том, какая она будет, кто-то вспоминает о своей свадьбе. Из мужчин в особом состоянии духа находится только Левин, все же остальные мужчины шутят или просто разговаривают, но автор ни разу не показывает то, о чем они думают.

Анализ одного эпизода позволяет увидеть функции языковых единиц в тексте. Кроме канонической функции средства связности, соединения двух действий во времени, деепричастия оказываются одним из средств создания известного толстовского психологизма. Автор всегда смотрит на происходящее как с внешней точки зрения, так и с внутренних. Эту двуплановость (и многоплановость) повествования Толстой создает за счет деепричастий, которые соединяют внешнее действие и мышление, а значит,

соединяют две ипостаси одного персонажа – субъекта действия (диктального) и субъекта сознания (модусного).

§ 3. Деепричастия в поэтических текстах (на материале «Евгения Онегина»).

Функционирование деепричастий в поэтических текстах обусловлено, в первую очередь, требованиями стихотворной формы. Из-за краткости и неизменяемости деепричастия очень распространены в поэтических текстах, они оказываются удобной формой для рифмы, более удобной, чем причастия.

Но, кроме того, деепричастие может выполнять и определенные художественные функции. Рассмотрим этот аспект деепричастий применительно к роману «Евгений Онегин».

Функции деепричастных оборотов в пушкинском романе исследовала С.Г. Ильенко [Ильенко 2002]. В своей статье она рассматривает особенности функционирования деепричастных оборотов в свете виноградовой концепции образа автора. С.Г. Ильенко доказывает, что в рамках конструкции с одним субъектом может возникать «определенного рода двуголосие, совмещение некой объектной констатации и субъективно-ориентированной оценки» [Ильенко 2002: с.385]. Пример авторско-персонажного двуголосия:

*Высокой страсти не имея
Для звуков жизни не щадить,
Не мог он ямба от хорея,
Как мы ни бились, отличить. [Гл.1, стр 7]*

Деепричастный оборот и основная часть расходятся по общей стилистической окраске. Первые две строки имеют романтический оттенок – они состоят из романтических клише того времени, а вторые две строки написаны иронично и намеренно низко по стилю относительно первых. В

соединении противоположного виден образ автора и его отношение к романтизму.

И.И. Ковтунова, рассматривая примеры, не соответствующие норме второй половины XX века, пишет о том, что поэзия сохраняет и «консервирует» архаические употребления деепричастий, которые из прозы этого времени уже ушли. Например, в поэзии начала XIX века можно встретить деепричастные обороты, которые внутри содержат подлежащее, - явление, которое очень быстро ушло из прозаических текстов [Очерки 1964: 393-395].

В качестве примера архаической формы деепричастия приведем следующие строки:

(1) ***Вспомня** прежних лет романы,*

***Вспомня** прежнюю любовь,*

Чувствительны, беспечны вновь,

Дыханьем ночи благосклонной

Безмолвно упивались мы!

(2) ***Ушед** от их мятежной власти,*

Онегин говорил об них

С невольным вздохом сожаленья.

(3) ***Нашед** мой прежний идеал,*

Я верно б вас одну избрал

В подруги дней моих печальных

(4) *Чуть отрок, Ольгою плененный,*

*Сердечных мук еще **не знав**,*

Он был свидетель умиленный

Ее младенческих забав.

По поводу последнего примера нужно сказать несколько слов. Если учесть, что для XIX в. различали деепричастие на –а как деепричастие настоящего времени, а деепричастие на –в, -вши как форму прошедшего

времени, то можно предположить, что форма *знав* выражает не предшествование к основному сказуемому, а предшествование по отношению к описываемому периоду жизни Ленского, а значит, деепричастие выражает не время относительное, а время абсолютное, то есть сам автор находится во времени героев и мыслит вместе с ними.

Наибольшие трудности для современного читателя создают деепричастия несовершенного вида. В некоторых случаях деепричастия несовершенного вида в современном русском языке заменились причастием, поэтому понимание отдельных поэтических строчек для современного читателя затруднено. См., например IX строфу восьмой главы «Евгения Онегина»:

*- Зачем же так неблагоприятно
Вы отзываетесь о нем?
За то ль, что мы неугомонно
Хлопочем, судим обо всем,
Что пылких душ неосторожность
Самолюбивую ничтожность
Иль оскорбляет, иль смешит,
Что ум, любя простор, теснит...
Что слишком часто разговоры
Принять готовы за дела,
Что глупость ветрена и зла,
Что важным людям важны вздоры
И что посредственность одна
Нам по плечу и не странна?*

Смысл выделенной строки для читателя в наше время не совсем ясен. В комментариях Ю.М. Лотмана, со ссылкой на В.В. Виноградова, эта строка объясняется исторически: А.В. Кикин, крупный политический деятель эпохи Петра I, был казнен Петром за участие в «заговоре» царевича Алексея. «Петр

И якобы спросил Кикина в застенке: «Как ты, умный человек, мог пойти против меня?» - и получил ответ: «Какой я умный! Ум любит простор, а у тебя ему тесно» [Лотман 1995: с.714]. Во времена Пушкина эта фраза была известна. Однако Пушкин переделывает исходную реплику – теперь *ум* не только *любит простор*, но и *теснит* (самолюбивую ничтожность, нас). Переводя на современный язык, можно сказать так: Ум, любящий простор, теснит...

Стремление к афористичному выражению мысли приводит к проблеме восприятия, по крайней мере, у современного читателя. Первой причиной неясности и неоднозначности прочтения является грамматическая основа предложения: *ум теснит*. Это - грамматическая основа, хотя можно было бы предположить, что существительное *ум* стоит в Вин.п., но общее содержание строфы показывает: *ум, который любит простор, теснит ничтожность, которая любит себя, поэтому и узка*.

«Теснить» - это каузативный глагол, такие глаголы имеют как минимум 2 актанта – экспериент и стимул. Соответствие между этими семантическими ролями и их синтаксическими позициями сложное, синтаксическую структуру многих каузативных конструкций легко можно перевернуть, понизив коммуникативный ранг стимула и повысив ранг экспериента. Пример с эмотивным каузативом:

Его приход меня обрадовал – Я обрадовался его приходу.

Таким образом, если «*ум теснит*», то предполагается, что *кто-то* (по содержанию строфы – *мы* обобщенно-личное) *стеснен этим умом*. Существование одушевленного субъекта, не выраженного эксплицитно, тоже является фактором, затрудняющим понимание этого фрагмента.

Еще одной трудностью является несоединимость деепричастного оборота *любя простор* и неодушевленного субъекта. В предыдущей главе была описана нестандартность данных конструкций. Возможно употребление: *Цветы любят солнце*. Но образовать деепричастие от этого

значения глагола *любить* – невозможно: * *Цветы, любя солнце, стоят на окне.*

Проанализировав все компоненты конструкции: *...ум, любя простор, теснит...* - можно сделать вывод, что затемняет ее смысл, с одной стороны, семантика предикатов, как в финитной форме, так и в деепричастной - оба глагола неакциональные, то есть находятся если и не на периферии, то не в центре глагольной системы, поэтому их появление в деепричастной конструкции оказывается непривычным для современного читателя, а с другой стороны, наличие двух субъектов – одушевленного (имплицитного) и неодушевленного (эксплицитного), которые вступают в конфликт друг с другом.

Деепричастия несовершенного вида могут стоять в одном ряду со страдательными причастиями (при этом восстанавливается деепричастие *будучи*):

Привычкой жизни избалован,

Одним на время очарован,

Разочарованный другим,

*Желаньем медленно **томим**,*

Томим и ***ветреным*** успехом,

Внимая в шуме и в тиши

Роптанье вечное души,

*Зевоту **подавляя** смехом:*

Вот как убил он восемь лет,

Утрата жизни лучший цвет.

Последнее деепричастие (совершенного вида) прочитывается не как выражающее предшествование, что типично для совершенного вида, а как выражающее следование во времени и следствие с точки зрения причинно-следственные отношений.

Еще один пример с неакциональным глаголом:

*В любви **считаясь** инвалидом,*

Онегин слушал с важным видом...

В форме деепричастия стоит неполнозначительный глагол *считаться*.

Составители словаря языка Пушкина при определении глагола *считаться* даже выделили отдельное значение глагола только на основании этого примера: «б. Полагать, признавать себя кем-, чем-н., расценивать себя каким-н. образом» [Словарь языка Пушкина 2000: с.466]. Видимо, на авторов словаря повлияло правило односубъектности и современное употребление этого глагола: они посмотрели на эту конструкцию, свойственную XIX веку, глазами исследователей конца XX. Субъектом глагола *считаться*, скорее всего, здесь является Ленский, хотя включать в состав субъектов мнения можно и Онегина (есть еще автор).

Пушкин использует деепричастия от неакциональных глаголов при страдательной форме предиката:

(1) *От хладного разврата света*

Еще увянуть не успеv,

Его душа была согрета

Приветом друга, лаской дев.

(2) *Но, **получив** посланье Тани,*

Онегин живо тронут был

Хотя во второй половине XX в. такое употребление будет признаваться ненормативным, современного читателя не затрудняют эти строки: основные предикаты в них – это предикаты эмоционального состояния, которые, несмотря на страдательную форму, по семантике нельзя отнести к собственно страдательному залого (см. об этом в главе 3).

Не рассматривая всех функций деепричастия в поэзии (об этом существует большая литература, особенно о поэзии Серебряного века), отметим, что деепричастие – это такая форма, которая выбирается поэтом не только по семантическим причинам, но и по формально-грамматическим:

краткость формы (в отличие от полных прилагательных и причастий) и гибкость формы (множество формальных вариантов).

§ 4. Деепричастия в объявлениях.

Объявления в газетах и журналах XVIII - начала XIX – особый жанр текста: он характеризуется небольшим размером и близостью к живой речи. Из-за краткости объявлений в них широко используются деепричастия.

Деепричастия появляются в нескольких типах объявлений:

1. Короткие новостные сообщения, в которых, как и в современных новостях, пишут в основном о действиях правителей и лиц, принадлежащих к высшим слоям общества, или о происшествиях в городе:

*Ее Императорское Величество по ужине, **оказав** свое Высочайшее удовольствие хозяевам, изволила возвратиться во дворец во втором часу по полуночи. [объявление 1777]*

*Граф Петр Иванович Панин через сие почтенно объявляет, что ... берет он на себя верно заплатить с признательным благодарением всем одолжившим оным его брата, **прося** покорно о том только, чтоб потерпели несколько времени...[объявление 1783]*

*Сему объявлению причину подал прошедший недавно напрасный страх от шалости неизвестного человека, который отвернул кран одного из театральных бассейнов, из которого вода, **пустясь** с шумом, произвела тревогу [объявление 1783]*

2. Объявления о продаже и найме недвижимости и мест под строительство домов:

*Двор на Адмиралтейской стороне за речкою Мойкою, **идуци** от главной Полицмейстерской канцелярии к Мошкову переулку, желающим купить... [объявление 1763]*

*Продается... в доме 2-жи д. с. Советницы Волковой, который прежде назывался Худобашев, под номером 61, **вошед** в ворота со стороны Екатериненского канала. [объявление 1790]*

3. Объявления о продаже продукции, такие объявления очень похожи на предыдущий тип, т.к. в них главную роль играет местоположение:

*У Спаса на Сенной, в Гороховой улице, от Рындина кабака к графскому пролomu, **недошед** Аринкиного мосту, по правой руке, в немазаном доме вдовы Анны Никифоровой продаются птицы...[объявление 1763]*

*В приходе Владимирской церкви, **идуци** от дому г. Логинова по разьежсей улице в ямскую по правой стороне, в доме под номером 2039 продаются соболи. [объявление 1790]*

4. Объявления о предоставлении услуг:

*Медик Коллежский Ассессор Флешер... **имея** сострадание к бедным, страждущим застарелыми болезнями, намерен лечить их безденежно [объявление 1800]*

*Проехавший сюда из Праги Франц Ербан, **упражняясь** в искусстве Силюетов, надеется, что его поспешность в приготовлении оных, а при том и удачное в том сходство привлекут к нему многих охотников. [объявление 1785]*

5. Объявления о пропаже вещей и животных:

*Сбежала молодая собака шавка. Кто оную **поймав**, приведет в Жадермиров дом, получит награждение. [объявление 1800]*

*Обронены гладкие золотые часы. Кто таковые **найдя** доставит в дом, состоящий на Невском проспекте..., тот получит 50 рублей. [объявление 1801]*

6. Объявления о подряде на городские работы:

*Желающие будущей весной, Невскую преспективу, **начиная** от Полицейского моста до Лиговского канал по обеим сторонам в два ряда усадить березками,... могу с ясными о состоянии своем доказательствами и залогами явиться [объявление 1800]*

Те же, кои пожелают будущею весною Невскую преспективу, начиная от Казанского моста и продолжая до Аничковского по обеим сторонам в два ряда усадить липками...[объявление 1800]

Все приведенные типы, с точки зрения использования в них деепричастий, можно разделить на 2 большие группы – объявления о лицах (1,4,5) и объявления о месте (2,3,6). В первой группе деепричастия относятся к личным субъектам и всегда согласуются по лицу с личным глаголом. Приведем пример объявления о празднике, в котором участвовала императрица:

*В воскресенье, 20го сего февраля, Ее Императорское Величество изволила удостоить Высочайшим своим присутствием дом Обер-Шталмейстера Льва Александровича Нарышкина в день его именин. Ее Величество изволила прибыть в 8 часу по полудни, в кое время было уже в доме г. Нарышкина, по приглашению чрез билеты, Российских и чужестранных знатных обоего пола до 300 персон. Бал, продолжавшийся в Галерее, начался в 7, а ужин изготовлен был в 11 часу, в двух этажах на 6 столах. Во время бала и стола играла инструментальная и духовая огромная музыка непрерывно. Пред домом Его Высокопревосходительства, также внутри оного и по Исакиевской перспективе, была иллюминация. Ее Императорское Величество, **изъявив** хозяину и хозяйке высочайшую милость, изволила отбыть в 10м часу, **оставя** хозяев в неопisanном удовольствии; в три же часа за полночь все гости, кои угощаемы были с крайним усердием, **оказав** хозяину благодарение, разъехались [объявление 1788]*

Субъектами действий, выраженных деепричастиями, являются конкретные люди – императрица и гости.

В объявлениях о месте субъект становится обобщенным, неконкретным.

Надворный советник Шнезе продает в большой Мещанской улице, поворота с Вознесенской к губернским правлениям, второй от угла двор, на

котором выстроены 2 каменные дома, один на улице, а другой во дворе, с особливыми для каждого ж каменными службами и с разными дворами... [объявление 1780 г]

Деепричастный оборот не соотносится с подлежащим главного предложения и употребляется абсолютнво. Субъект деепричастного оборота – это любой человек, идущий по описанному маршруту и видящий эти дома. Деепричастия в этих текстах образуются от пространственно ориентированных глаголов, субъектная валентность которых не заполнена, то есть представлена синтаксическим нулем, который соединяет адресата объявления и субъекта речи, то есть деепричастие функционирует как эгоцентрик (см. об этом главу 3.).

§ 5. Деепричастия в путевых записках.

Путевые записки – это жанр, в котором рассказчик является пассивным свидетелем, его глазами мы видим неизвестные страны и незнакомых людей. Многие тексты имеют структуру путевых заметок, когда автор записывает свои впечатления в пути. К таким текстам относятся «Путешествие из Петербурга в Москву» А.Н. Радищева, «Фрегат Паллада» А.И. Гончарова, «Остров Сахалин» А.П.Чехова.

Классическими путевыми записками являются заметки А.С. Грибоедова. А.С. Грибоедов констатирует то, что видит, его путевые записки состоят из фрагментов 2-х типов – собственно перемещение и описания тех мест, где оказывается рассказчик:

*Февраль. От Гаргар к юго-западу, влево, через ущелье, занесенное снегом. **Выехавши** на широту – равнина до каравансарая. По пригоркам до Маранда. Маранд виднеется на высоте за три агача. Из Маранда в горы подъем трудный. От каравансарая спуск до Софиянки, ровно до Тавриза; влево и вправо делятся горы. [А.С. Грибоедов. Путевые заметки]*

Отобедав у Манто {В первой публикации фамилия была прочитана неверно: Монта. -- Ред.} (у жены его прекрасное греческое, задумчивое лицо и глаза черные, восточные), еду далее; Аю скрывается позади, сосны на Яйле, лесистые высокие места, впереди Гаспринский мыс ограничивает горизонт.[А.С.Грибоедов. Путевые заметки]

Деепричастия соединяют эти два типа фрагментов – то есть будучи динамической единицей, они являются средством продвижения рассказа вперед.

Нестандартным и интересным текстом путевых записок является «Сказание о странствии и путешествии по России, Молдавии, Турции и Святой Земле» Инока Парфения (Агеева) 1855 года. Это текст, написанный человеком, воспитанным в среде раскольников и хорошо знавшим церковнославянский язык. При этом инок Парфений старался писать на «гражданском языке». В «Сказании» сочетаются деепричастные обороты с дательным самостоятельным, а деепричастия совершенного вида представлены только формами на -ши. Текст очень насыщен деепричастными оборотами:

***Проводивши** праздник святителя Николая, и в простой день **испросивши** благословение, паки пошел я в Мануиловку посетить отца Иоанна. И пришедши увидел в нем великую перемену... [Инок Парфений (Агеев). Сказание о странствии и путешествии по России, Молдавии, Турции и Святой Земле. Т.1]*

*Отец Алипий, **узнавши** о моем пришествии, скоро прибежал ко мне, и **взявшись** за мои ноги, со слезами просил прощения за прежний дерзновенный свой поступок; и мы с отцем Иоанном, **смотря** на него, плакали. **Повидавши** всех отцев, я опять возвратился в свой монастырь. [Инок Парфений (Агеев). Сказание о странствии и путешествии по России, Молдавии, Турции и Святой Земле. Т.1]*

Инок Парфений описывает то, как он искал истинную веру, поэтому он подробно пересказывает поступки, которые он совершил, с кем и о чем он разговаривал. Время плотно заполнено конкретными действиями.

Деепричастие выступает в этом тексте, с одной стороны, в функции второстепенного сказуемого, как средство выражения дополнительной подробности в разворачивании событий, а с другой стороны, в анафорической функции, является средством связи событий: ...был праздник святителя Николая – проводивши праздник святителя Николая; пошел посетить... - пришедши...

Еще одна особенность «Сказания» в том, что части нумеруются цифрами и нередко в абсолютном начале каждой части рассказчик употребляет деепричастия; примеры приводим с нумерацией частей:

11. *И так проживая в Чернобыльском монастыре и о всем размышляя и рассуждая, я начал приходит в великое сумнение; [Инок Парфений (Агеев). Сказание о странствии и путешествии по России, Молдавии, Турции и Святой Земле. Т.1]*

12. *Получивши известие из Молдавии, что устроили там новый скит внутри Карпатских гор, я весьма тому возрадовался; [Инок Парфений (Агеев). Сказание о странствии и путешествии по России, Молдавии, Турции и Святой Земле. Т.1]*

13. *Проживая в том скиту немалое время, я часто ходил и странствовал по великим горам Карпатским; [Инок Парфений (Агеев). Сказание о странствии и путешествии по России, Молдавии, Турции и Святой Земле. Т.1]*

68. *Прочитавши сие, начали мы говорить со слезами...[Инок Парфений (Агеев). Сказание о странствии и путешествии по России, Молдавии, Турции и Святой Земле. Т.1]*

69. *Выслушавши сие, дьяк Степан Кондратьев сказал. [Инок Парфений (Агеев). Сказание о странствии и путешествии по России, Молдавии, Турции и Святой Земле. Т.1]*

107. *Отправившись из Воронежа, прибыли мы в Белград. [Инок Парфений (Агеев). Сказание о странствии и путешествии по России, Молдавии, Турции и Святой Земле. Т.1]*

109. *Прибывши в Бессарабию, в город Кишинев, мы получили заграничный паспорт, и отправились в путь. [Инок Парфений (Агеев). Сказание о странствии и путешествии по России, Молдавии, Турции и Святой Земле. Т.1]*

110. *Приехавши в монастырь Нямец и пришедши к архимандриту, объявили ему свое желание поступить в число братства...[Инок Парфений (Агеев). Сказание о странствии и путешествии по России, Молдавии, Турции и Святой Земле. Т.1]*

112. *Препроводивши здесь три дня, я не мог более терпеть и оставаться. [Инок Парфений (Агеев). Сказание о странствии и путешествии по России, Молдавии, Турции и Святой Земле. Т.1]*

Приведенные примеры убеждают, что Инок Парфений использует деепричастия в двойной функции: 1. для того, чтобы присоединить последующую часть к предыдущей, то есть как средство связности; 2. на границе между частями как разделитель: постоянный повтор в начале глав начинает восприниматься как начало нового сюжета, то есть как знак границы.

В отличие от исторического нарратива, где два действия могут быть разнесены во времени на несколько лет, цель жанра путевых записок передать как можно больше событий, деталей и пережитых впечатлений. В этом случае деепричастие удобно, чтобы избежать повторения однородных сказуемых.

Выводы к главе.

Если обобщить наблюдения, сделанные по поводу каждого жанра, то можно сделать вывод о некоторых функциях деепричастий в тексте.

В сюжетных повествовательных текстах деепричастие участвует в продвижении сюжета и последовательном разворачивании событий во времени. Субъектом деепричастного оборота является персонаж,двигающийся в пространстве и во времени. Деепричастие стоит в форме

совершенного вида и оформляет глаголы акциональные по семантике, благодаря чему в тексте появляется динамика. Такое функционирование деепричастной формы было рассмотрено на примере исторических текстов и текстов путевых заметок.

Если в нарративах на первое место выходит функционирование категории времени на уровне текста, то в художественном дискурсе особую роль приобретает категория субъекта, т.к. рассказчик в художественном тексте не всегда остается сторонним наблюдателем событий: он может не просто описывать события со стороны, но проникать в сознание героев. Использование ментальных глаголов в форме деепричастия в историческом и художественном дискурсе различается. Если в исторических текстах они служат для объяснения мотивов того или иного действия персонажа, т.к. историку важно не только описать, но и логически объяснить событие, то в художественном дискурсе они являются средствами проникновения во внутренний мир героев, что является целью автора. В художественном тексте часто оказывается более важным событие не внешнее, наблюдаемое, а внутреннее, свершающееся в душе человека, и поэтому недоступное глазам постороннего человека. Деепричастия от ментальных глаголов позволяют сделать переход во внутренний мир персонажа.

В поэтическом тексте решающим фактором употребления деепричастия оказывается форма, которая обладает, с одной стороны, краткостью (что удобнее для стихотворного размера), а с другой стороны, гибкостью (морфологическая форма деепричастия от одного и того же глагола в то время имела много вариантов в плане выражения, что тоже оказывается удобным для стихотворения). Удобство формы деепричастия приводит к тому, что в поэтическом тексте деепричастия используются в нестандартных для них функциях – например, в функции причастия. Для современного читателя смысл многих предложений с деепричастием может быть не ясен именно из-за обширности сферы его употребления в XVIII-XIX веках.

Анализ старых объявлений позволил увидеть деепричастия от пространственно-ориентированных глаголов в абсолютном употреблении, в этих текстах они выполняют локативно-характеризующую функцию и связаны с фигурой потенциального обобщенно-личного наблюдателя.

Каждый из приведенных факторов, влияющие на текстовую роль деепричастий, – категория времени, категория субъекта (наблюдатель) и фактор краткости - может быть текстовой доминантой, но чаще можно выделить фрагменты текста любого жанра, в которых деепричастия используются в связи с той или иной их текстовой функцией.

Заключение

Изучение деепричастий в текстах разной стилевой и жанровой принадлежности позволило, во-первых, увидеть связь деепричастия как особой нефинитной формы глагола с категориями времени и субъекта, во-вторых, установить те внутрисинтаксические и внешнесинтаксические условия, которые определяют выбор деепричастия в той или иной синтаксической конструкции.

XVIII-XIX века в русской культуре – это период формирования современного русского литературного языка. За этот период деепричастия стало той таксисной формой, которую мы используем сейчас: история деепричастия заключается в сужении и спецификации его функций. Будучи по происхождению причастием, деепричастие формально, функционально и семантически отделилось от него. С другой стороны, деепричастие отделилось от финитных форм, которые могут быть самостоятельными предикатами: оно превратилось в зависимое сказуемое – прототипическую форму зависимого таксиса.

Рассмотрение деепричастия в связи с категорией времени показало, что уходят такие конструкции, в которых деепричастие оторвано от основного предиката во времени, теперь деепричастный оборот и основная часть должны соприкоснуться во времени, чтобы образовать отношения предшествования, одновременности или следования. Можно сказать, что в XVIII-XIX веке формируется то, что позже назовут единым временным периодом. Единый временной период может образовываться иконически - двумя событиями, смежными во времени, или соединяться за счет параллелизма особых распространителей (например, обстоятельств времени).

Были обнаружены контексты, в которых деепричастие так же, как причастие, имеет абсолютное время. К XX веку деепричастие теряет временную связь с моментом речи и тем самым системно расходится с

причастием. Деепричастие специализируется на выражении относительного времени.

Было рассмотрено отношение деепричастия к категории субъекта в разных формах ее выражения. В первой трети XIX века, подлежащее выходит за рамки деепричастного оборота. От архаичного употребления в составе деепричастного оборота в современном узусе остались только следы – местоименные и количественные определители, включающиеся в оборот, но связанные анафорической (или катафорической) связью с подлежащим.

Если временная характеристика деепричастий, обусловленная категорией вида, окончательно сформировалась и не вызывает трудностей при употреблении деепричастий, то категория субъекта до сих пор создает проблемы в построении конструкций с деепричастиями. В работе было показано, что в сфере деепричастия действуют такие синтаксические механизмы, которые порождают регулярные «конструктивные» аномалии (Ю.Д. Апресян). Это такие аномалии, которые не соответствуют сформулированному правилу, т.е. кодифицированной норме, но регулярно порождаются пишущими и без затруднения осмысливаются читающими. Это деепричастия при предикатах эмоционального состояния, при метонимическом выражении субъекта и в конструкциях с модусным субъектом.

В настоящей работе предлагается объяснение самых распространенных ошибок через механизм включения субъекта модуса в состав высказывания с деепричастным оборотом. Были найдены две основные причины, почему модус нарушает конструкцию: 1. Нормальное существование модуса – нулевое (имплицитное), и поэтому говорящий опускает модусную рамку, хотя для удобства восприятия информации ее следовало бы эксплицировать; 2. Сфера, близкая говорящему, (его тело, чувства, мысли) может описываться как с участием местоимения Я в именительном падеже, так и без него, что противоречит норме, но осмысливается адресатом. Говорящий не всегда учитывает возможность

непонимания высказывания адресатом. Поэтому норма в правиле кореферентности встает на сторону адресата и защищает его интересы.

Собранный материал свидетельствует о том, что областью порождения конструктивных аномалий применительно к деепричастию является сфера 1-го лица. Тем самым деепричастные обороты вступают в тесное взаимодействие с эгоцентрическим механизмом языковой системы.

Деепричастия, будучи таксисным предикатом, участвуют и в связности текста. Текстовые функции деепричастия были исследованы в последней главе работы, в которой были рассмотрены тексты разной стилевой и жанровой принадлежности. Было обнаружено, что существует текстовая обусловленность как в выборе деепричастия, так и в порождении аномальных с современной точки зрения примеров.

Таким образом, проблема употребления деепричастий оказывается шире проблемы нормы. Судьба деепричастия связана с категориями времени и субъекта. Это проявляется и в особенностях употребления самого деепричастия, и в механизмах образования от деепричастия вводных слов, производных предлогов и наречий. Условием образования наречий является потеря связи с категорией времени. Образование вводных слов и словосочетаний объясняется разрывом деепричастия с основным глаголом по категории времени (относительное время перестает работать) и переход в сферу модуса (субъектом деепричастного оборота становится Я говорящего). И если вводные слова принадлежат определенно-личному субъекту модуса, то обобщенно-личность субъекта модуса характеризует отдеепричастные производные предлоги: *включая, исключая, учитывая, судя по, несмотря на, не доходя до, не доезжая до* и др. В работе рассматривались деепричастия от глаголов перемещения и были выявлены условия образования пространственных предлогов – средств вторичного пространственного дейксиса. Они образуются, если в предложении появляется обобщенно-личный субъект восприятия (наблюдатель), который перемещается в пространстве.

Проведенное исследование убеждает в том, что наиболее продуктивным направлением является грамматика объяснительная, соединяющая не только системное и текстовое описание объекта, но синхронию с диахронией.

Библиография.

Абдулхакова Л.Р. Развитие категории деепричастия в русском языке. (автореф. докт. дис.), Казань, 2007

Абдулхакова Л.Р. Развитие категории деепричастия в русском языке. Казань, 2007.

Алисова Т.Б. Дополнительные отношения модуса и диктума. // Вопросы языкознания. 1971, № 1

Апресян Ю.Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семиотика и информатика, М., 1986, Вып.28. // Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т. II. М., 1995.

Апресян Ю.Д. Языковые аномалии: типы и функции.//RES PHILOLOGICA. Филологические исследования. М., Л., 1990

Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. М, 1988

Балли Ш. Французская стилистика. М., 1961

Барсов А.А. Русская грамматика Антона Алексеевича Барсова. М, 1981

Бенвенист Э. Общая лингвистика. М, 1974.

Бенвенист Э. Общая лингвистика. Пер. с фр. – М.: Едиториал УРСС, 2002.

Богуславский И.М. О семантическом описании русских деепричастий: неопределенность или многозначность? // Известия АН, Серия литературы и языка, Т. 36, 1977, № 3, 270-281.

Бондарко А.В. Теория значения в системе функциональной грамматики: На материале русского языка. М, 2002.

Булаховский Л.А. Курс русского литературного языка. т.2. (Исторический комментарий). 4-е изд-е, Киев, 1953

Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). Прагматика. Семантика. Лексикография. Вид-время-лицо-модальность. М, 1997. С.113-127; с.437-481

Буслаев Ф.И. Историческая грамматика русского языка. Синтаксис. М., 2006, Изд.7;

Буслаев Ф.И. Историческая грамматика русского языка. Этимология. М., 2006, изд-е 7;

Виноградов В.В. История русских лингвистических учений. М., 1978

Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XII – XIX веков. 3-е изд. М., «Высшая школа», 1982

Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). М., 1986, изд-е 3. (с. 303, 309)

Власенко М.М. Предложения с обособленными деепричастными конструкциями в современном русском языке. – Учен. зап. Иркут. Пединститута. 1958, т.4

Востоков А.Х. Русская грамматика Александра Востокова, по начертанию его же сокращенной грамматики полнее изложенная. СПб, 1874.

Вяльсова А.П. Типы таксисных отношений в современном русском языке (на материале причастных конструкций). Автореф. дисс...канд.филол.наук. М, 2008

Горбаневский М.В., Караулов Ю.Н., Шаклеин В.М. Не говори шершавым языком. М. 1999

Горбачевич К.С. Вариантность слова и языковая норма. М., «Наука» 1978

Горбачевич К.С. Изменение норм русского литературного языка. Л., «Просвещение», 1971

Грамматика 1648 г./ Предисловие., науч. коммент., подг. текста и сост. указателей Е.А. Кузьминовой. – М., 2007;

Грамматика и норма. М, 1977

Грамматика русского литературного языка. Т.2. Синтаксис. Ч.1., М., 1960

Греч Н.Я. Практическая русская грамматика, изданная Николаем Гречем. СПб, 1827

Дерибас Л.А. Использование синтаксических конструкций, параллельных деепричастным оборотам. – Учен. зап. МГПИ. М., 1958, т.132

Добрушина Е.Р. Видев и увидя: жизнь и смерть нестандартных деепричастий.// Корпусные исследования по русской грамматике. М, 2009, с.15-33

Дурново Н.Н. Очерк истории русского языка.//Избранные работы по истории русского языка. М., 2000

Ефимов А.И. Стилистика художественной речи. М, 1961

Журинская М.А. О выражении значения неотторжимости в русском языке. // Семантическое и формальное варьирование. М, 1979, с. 295-347

Зализняк Анна А. Многозначность в языке и способы ее представления. М, 2006

Золотова Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М., 1973.

Иванов А.А. История Петербурга в старых объявлениях. М, 2008

Ильенко С.Г.. Коммуникативно-стилистический репертуар деепричастных оборотов в «Евгении Онегине» Пушкина в свете виноградовской концепции образа автора.// Коммуникативно-смысловые параметры грамматики и текста. М, 2002.

Йокояма О. В защиту запретных деепричастий. // American Contributions to the Ninth International Congress of Slavists (Kiev, September 1983), Vol. 1 Linguistics, ed. by Michael S. Flier, Slavica, Columbus, Ohio, 1983

Исаченко А.В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. Морфология . – М., Вена, 2003.

Историческая грамматика русского языка. Синтаксис. Простое предложение.// под ред. академика В.И. Борковского. М., 1978 (с.102-119)

Ицкович В.А. Очерки синтаксической нормы. М., «Наука», 1982

Ким Сан Хен. Эволюция причастий и деепричастий в русском литературном языке начала XVIII в. - первой трети XIX в. Автореф. дис... канд.фил.наук. СПб, 2007

Кнорина Л.В. Грамматика и норма в поэтической речи (на материале поэзии Б.Л. Пастернака).// Проблемы структурной лингвистики – 1980. М., 1982.

Кнорина Л.В. Грамматика, семантика, стилистика. М, 1996, с.122-136

Князев Ю.П. Грамматическая семантика: Русский язык в типологической перспективе. М, 2007.

Ковтунова И.И. Изменения в системе осложненного предложения// Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX века. Изменения в системе простого и осложненного предложения в русском литературном языке XIX века. М., 1964

Ковтунова И.И. О синтаксической синонимике.// Вопросы культуры речи. М., 1955, вып.1

Кожевникова Н.А. Типы повествования в русской литературе XIX – XX веков. М, 1994

Косериу Э. Синхрония, диахрония и история. // НЗЛ, вып. III, М, 1963

Кошмидер Э. Очерк науки о видах польского глагола: Опыт синтеза // Вопросы глагольного вида. М., 1962. С. 105-167.

Крысин Л.П. К соотношению системы языка и его нормы // Русский язык в школе, 1968, № 2

Кудрявцева Т.Ю. Деепричастие в семантике устного высказывания. Автореф. дисс.... канд.фил.наук. М, 1988

Кузьмина И.Б. Предикативное употребление причастий в русских говорах (краткие формы, образованные от глагольной основы прошедшего времени). Автореф.дисс...докт.фил.наук. М, 1972

Кукушкина О.В. Основные типы речевых неудач в русских письменных текстах. М., 1998.

Кунавин Б.В. Функциональное развитие системы причастий в древнерусском языке : автореферат дис. ... доктора филологических наук. СПб, 1993.

Лаптева О.А. Живая русская речь с телеэкрана. Разговорный пласт телевизионной речи в нормативном аспекте. М., 1999

Лекант П.А., Маркилова Т.В. и др. Синтаксис. Синтаксическая синонимия. Пособие для учителей старших классов. М, 1999.

Леонтьев А.П. Моносубъектные полипредикатные конструкции современного русского языка (Сопоставительное описание структур с нулевым подлежащим и с дубль подлежащим). Автореф.дисс... канд.фил.наук. Томск, 1982

Литературная норма и вариативность. М, 1981

Логический анализ языка. Противоречивость и аномальность. М., 1990

Ломоносов М.В. Русская грамматика, § 532 /Полн.собр.соч., т.7. Труды по филологии, М.-Л., 1952 (с.566-567).

Ломтев Т.П. Очерки по историческому синтаксису русского языка. М., 1956 (с.174-212)

Лотман Ю.М. Пушкин. СПб, 1995

Мартемьянов Ю.С. Деепричастие в его межфразовой функции (Семантическое описание – от структурной гипотезы значения к ее доказательству) // Слово в тексте и в словаре. Сб. ст. к семидесятилетию академика Ю.Д. Апресяна. М., 2000. с.163-185

Маслов Ю.С. Система основных понятий и терминов славянской аспектологии.// Вопросы общего языкознания. Л., 1965. С. 53-80.

Мучник Б.С. Человек и текст: Основы культуры письменной речи. М., 1985.

Недялков В.П. Основные типы деепричастий. // Типология и грамматика. М, 1990

Одинцов В.В. Стилистика текста. М, 2007 (1980). С.222-223

Онипенко Н.К. Идея субъектной перспективы в русской грамматике.// Руссистика сегодня. М, 1994, № 3.

Онипенко Н.К. О субъектной перспективе каузативных конструкций // Вопросы языкознания. М., 1985, № 2

Падучева Е.В. Говорящий: субъект речи и субъект сознания // Логический анализ языка. Культурные концепты. М., 1991.

Падучева Е.В. Семантические исследования. М., 1996

Падучева Е.В. Динамические модели в семантике лексики. М, 2004

Пешковский А.М. Объективная и нормативная точка зрения на язык // Пешковский А.М. Избранные труды. М., 1959, с.50-61

Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении., 1956

Плунгян В.А. Общая морфология. Введение в проблематику. М, 2000. С.271-273

Потебня А.А. Из записок по русской грамматике.

Прияткина А.Ф. Осложненное простое предложение. Владивосток, 1983.

Ревзина О.Г. Безмерная Цветаева. М., 2009, с. 451-467

Розенталь Д.Э., Джанжакова Е.В., Кабанова Н.П. Справочник по правописанию, произношению, литературному редактированию. М, 1999

Русская грамматика. Т. 1, 2. М., 1980.

Русская грамматика. Т. 1,2. Прага, 1979.

Русская грамматика. Т.1 Фонетика, фонология, ударение, интонация, словообразование, морфология. М., 1980. (§1589-1593)

Русская грамматика. Т.2 Синтаксис. М., 1980. (§2104-2107)

Русский язык конца XX столетия (1985-1995). М., 1996

Русский язык сегодня 4. М., 2006

Рябова А.И. Условия и способы реализации субъектной валентности деепричастия в простых двусоставных предложениях с глагольным и причастным сказуемым. Автореф.дисс...канд.фил.наук., м, 1982

Савина В.М. Местоимения подлежащной связи в составе деепричастных оборотов.// Русские местоимения: семантика и грамматика. Владимир, 1989

Санников В.З. Русский синтаксис в семантико-прагматическом пространстве. М., 2008.

Семантические типы предикатов. (под ред. О.Н. Селиверстовой). М, 1982

Семенюк Н.Н. Норма // Лингвистический энциклопедический словарь. М., «Советская энциклопедия», 1990

Синтаксис и норма. (Отв. Ред. Г.А. Золотова), М., «Наука», 1974

Сиротинина О.Б. Узуальные нормы и проблемы их кодификации // Русский язык на пороге XXI века. Материалы международной научной конференции. / Составитель Н.К. Онипенко. М., 2003

Словарь языка Пушкина. Т.4. М, 2000

Современная русская устная научная речь. Том 2. Синтаксические особенности. (под общей редакцией О.А.Лаптевой) М., 1994

Современный русский язык: Морфология. Учебник для студентов филологических факультетов вузов. СПб, 2007, с.535-537.

Степанов Ю.С. Иерархия имен и ранги субъектов. // Известия АН СССР, СЛЯ, т.38, 1979, № 4

Степанов Ю.С. Имена. Предикаты. Предложения. М, 1981

Степанов Ю.С. Константы: словарь русской культуры. Опыт исследования. М, 1987

Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л., 1987.

Тестелец Я.Г. Введение в общий синтаксис. М, 2001

Тимофеева Г.Е. ИмPLICITный субъект в «запретных конструкциях» (штрихи к речевому портрету современной языковой личности)// Русский литературный язык: номинация, предикация, экспрессия. М, 2002, с. 323-327

Успенский Б.А. Часть и целое в русской грамматике. М, 2004

Ферран М. О так называемом "самостоятельном" деепричастии в современном русском языке // Славистика: Синхрония и диахрония. Сборник научных статей к 70-летию И.С. Улуханова. М, 2006

Фрей А. Грамматика ошибок. М, 2007

Хабургаев Г.А., Горшкова К.В. Историческая грамматика русского языка. М., 1997, 2-е изд-е. (с.367-381)

Храковский В.С. Типология таксисных конструкций. СПб, 2009

Чупашева О. М. Грамматика русского деепричастия: монография. Мурманск, 2008

Чупашева О.М. Грамматика русского деепричастия. Автореф... докт. филол.наук. М, 2010.

Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. М., 2001 (1941).

Шмелев Д.Н. Некоторые вопросы развития и нормализации современного русского литературного языка. // «Известия АН СССР», т. XXI, вып. 5, 1962

Шмелева Т.В. Деепричастия на службе у модуса. // Системный анализ значимых единиц русского языка. Синтаксические структуры: Межвуз.сб. Красноярск, 1984, с.64-70

Шмелева Т.В. Субъективные аспекты русского высказывания. Автореф. дисс.... докт.фил.наук. М, 1995.

Шмид В. Нарратология. М, 2003

Языковая картина мира и системная лексикография (ответ. редактор Ю.Д. Апресян). М, 2006, с.75-109

Якобсон Р.О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков различного строя. М, 1972

Янко-Триницкая Н.А. Русская морфология. М., 1982

Hüttl-Folter G. Syntaktische Studien zur neueren russischen Literatursprache. Die frühen Übersetzungen aus dem Französischen. Böhlau Verlag Wien, Köln, Weimar, 1996

Koschmieder E. Der Begriff des «Zeitstellenwerts» in der Lehre vom «Verbalaspekt» und «Tempus»// Koschmieder E. Gesammelte

Abhandlungen zur Phonetik, Phonologie und Morphonologie der slavischen Sprachen. Neuried, 1979. P. 339-354.